

СИНТАГМАТИКА И ПАРАДИГМАТИКА ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Сборник материалов региональной
научно-практической конференции

ISBN 978-5-4217-0192-7

9 785421 701927

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр

43-38-36

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ИМЕНИ ПРОФ. В.А. ЛЕБЕДИНСКОЙ**

**СИНТАГМАТИКА И ПАРАДИГМАТИКА
ЕДИНИЦ ЯЗЫКА**

Сборник материалов региональной
научно-практической конференции

Курган 2013

УДК 811.161.1'37 (06)

ББК 81.2 – 3 л 0

С – 32

Синтагматика и парадигматика единиц языка / Отв. ред. Н.Б. Усачева.
- Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. - 129 с.

В Сборник материалов региональной научно-практической конференции вошли статьи ученых, исследующих лексику и фразеологию в структурно-семантическом, функциональном, грамматическом, когнитивном и других аспектах. На разном материале анализируются синтагматические и парадигматические свойства единиц языка. Издание адресовано специалистам-филологам, преподавателям русского языка, аспирантам, студентам.

Редколлегия:

К.ф.н. доцент Н.Б. Усачева (отв. ред.),

к.ф.н. доцент Н.В. Шведова,

к.ф.н. доцент Н.В. Гончарова,

ст. лаборант Т.Ю. Воронина.

ISBN 978-5-4217-0192-7

© Курганский
государственный
университет, 2013
© Авторы, 2013

Конференция посвящена памяти
проф. Валентины Андреевны Лебединской,
ее уже 10 лет нет с нами...

МИКРОКОНЦЕПТ «РОДИНА» В ЛИРИКЕ А. БЛОКА

Алексеева А.А.,

Шадринск

Концепт «Родина» - один из центральных в концептосфере любого народа. Он присутствует в сознании каждого человека как носителя культуры. При этом дать исчерпывающее определение слову «Родина» практически невозможно. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать возможные ответы на вопрос «Что такое Родина?». Их многообразие свидетельствует о множестве скрытых культурных смыслов: «Родина - это мои леса, мои горы, моя разбитая дорога, одуванчик, растущий во дворе, речка, колосья в поле, девочка из соседнего дома, подарившая первый поцелуй. Это и есть Родина» [5]; «В понятие родины включаются разные понятия. Есть такое понятие, как малая родина и большая родина. Большой родиной обычно называют страну, государство. Так, многие, кто родился в Советском Союзе, до сих пор считают своей родиной ту страну, которая включала в себя страны СНГ. Малой родиной можно назвать все что угодно, начиная от своего города до собственной квартиры» [6]; «Родина – это нечто большее, чем просто то место, где человек родился и вырос. Родина – слово, которое вбирает в себя множество чувств, которые порой и незаметны. Но они отчетливо проявляются во время нападения общего врага или возникновения общих проблем» [6]. Несложно заметить, что в первом случае автор высказывания перечисляет реалии, с которыми связаны определенные эмоциональные переживания; автор второго высказывания связывает Родину с такими понятиями, как город, страна, государство; в третьем случае представления о Родине выступают в форме патриотизма.

В словарях приведено следующее определение Родины – «1) отечество, отчизна, страна, в которой человек родился; исторически принадлежащая данному народу территория с ее природой, населением, общественным и государственным строем, особенностями языка, культуры, опыта и нравов. 2) Более узко – чье-

либо место рождения. 3) Переносное значение – место возникновения, открытия или изобретения чего-либо» [4].

Несложно заметить, что словарное определение не отражает многообразия смыслов, заключенных в слове «Родина», так как, помимо семантики, оно включает в себя и ценностную составляющую.

С.Г. Воркачев отмечает: «Семантическая реалия, имя которой – «родина», по всем признакам соответствует лингвокультурному концепту: обладает высокой номинативной плотностью, переживается эмоционально при попадании в фокус сознания, и ее имя включено в сеть ассоциативных связей, сложившихся в лексической системе языка» [1].

Лингвокультурный концепт «Родина» реализуется в разных текстах, отражая различные представления о родине. Так, для русского народа в целом характерно представление о Родине как о матери, что нашло отражение в фольклорных произведениях. В то же время возможны индивидуальные особенности восприятия концепта: так, например, согласно данным А.Г. Саносян, Е.В. Купчик, Родина в представлении С.Есенина – это в первую очередь малая родина, место, где человек родился [3]. Чтобы определить, какие представления о Родине заложены в поэзии А. Блока, обратимся к его творчеству.

В лирике Александра Александровича концепт «Родина» приобретает вид микроконцепта, так как входит в состав другого, более объемного, концепта «Идеальное». Для поэта свойственно особое отношение к Родине как одному из центральных образов его лирики: он видит в ней идеальное начало. Родина в представлении А. Блока – нечто особенное: «Россия здесь не государство, не национальное целое, не отечество, а некое соединение, постоянно меняющее свой внешний облик, текучее... и, однако, не изменяющееся в самом основном...» [2; с.35].

Концепты в языке представлены в виде полевых структур, называемых концептуальными полями. Концептуальное поле

подразделяется на сегменты, наименования которых различны: микроконцепты, лексико-семантические поля, фреймы и фрагменты.

Согласно предложенному подходу, в составе микроконцепта «Родина» мы выделяем два фрагмента: «Россия как родная страна» и «Россия как форма женственности».

Первый фрагмент «Россия как родная страна» представлен следующими моделями:

- 1) «Природа»: *опоясана реками; дбрями окружена; с болотами и журавлями; густые рябины; печаль нив; простор; дали необъятные; ковыли; туманная река; река раскинулась; степная даль; скудная глина; стога.*
- 2) «Историческое прошлое». Сюда можно отнести реалии исторического прошлого России, нашедшие отражение в поэзии А.Блока: *уго злых татар; казней ряд кровавых; поле Куликово; Мамай с ордою; ханской сабли сталь; доспех; за Непрядвой; кольчуга; рокот сечи; трубные крики татар; вражий стан.*
- 3) «Нищета Родины»: *нищая Россия; страны родимой нищета; лоскуты ее лохмотий; расхлябанные колеи; низкие нищие деревни; нищая моя страна; три стертых шлеи; избы серые.* Несмотря на материальную необеспеченность Родины, она представляет огромную ценность для поэта: *«Так я узнал в своей дремоте / Страны родимой нищету / И в лоскуты ее лохмотий / Души скрываю наготу».*
- 4) «Россия как тайна»: *и в тайне – почивает Русь; она и в снах необычайна».*

Второй фрагмент – «Россия как форма женственности». В состав этого фрагмента входят наименования Родины, предполагающие ее женский облик. Он представлен следующими моделями:

- 1) «Родина как жена»: *О Русь моя! Жена моя!; бедная моя жена; светлая жена; бедная жена. «О, нищая моя страна, /*

Что ты для сердца значишь! / О, бедная моя жена, О чем ты горько плачешь?».

- 2) «Родина как зрительный образ»: *«А ты все та же – лес, да поле, / Да плат узорный до бровей»; «И лишь забота затуманит / Твои прекрасные черты»; «Твой узорный, твой цветной рукав»; «Был в щите твой лик нерукотворный / Светел навсегда»; «Ее одежды не коснись»; «Ты сошла в одежде, свет струящей»; «Когда блеснет в дали острожной / Мгновенный взор из-под платка»; «Какому хочешь чародею / Отдай разбойную красу».*
- 3) «Родина как нечто непостижимое»: *«Слышал я Твой голос сердцем вещим / В криках лебедей»; «В ночь, когда Мамай залег с ордою / Степи и мосты, / В темном поле были мы с Тобою, / Разве знала Ты?».* Наименования Родины замещаются местоимением *Ты* с заглавной буквы.

Несложно заметить, что представления о Родине, заложенные в поэзии А. Блока, отличаются от традиционных. Вместо привычных для русского народа представлений о Родине как о матери, в концептуальной системе поэзии А. Блока заложены представления о Родине как о жене, форме проявления Вечной Женственности, представляющей собой идеальное начало. Родина у поэта предстает в двух основных образах: и как родная, дорогая сердцу страна, вместе с тем являющая собой вечную загадку («И в тайне – поживает Русь»), и как женственная сущность, то неземная, идеальная («Ты сошла в одежде, свет струящей»), то приобретающая конкретные черты вполне земной, реальной женщины («И вдали, вдали призывно машет / Твой узорный, твой цветной рукав»). При этом, независимо от облика, принимаемого родной страной, неизменным остается ценностное отношение поэта к своей Родине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С.Г. Слово «Родина»: значимостная составляющая лингвоконцепта // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 4.

Воронеж, ВГУ, 2006. Режим доступа: http://lse2010.narod.ru/yazik_kommunikatsiya_i_sotsialnaya_sreda_vipusk_4/sgvorkachyov_slov_o_rodina_znachimostnaya_sostavlyayuschaya_lingvokontsepta.

2. Кузнецова Ю.К. Тема России в лирике Александра Блока // Русская словесность. – 2003. - №7. – С. 35-37.

3. Саносян А.Г., Купчик Е.В. Концепт «Родина» в поэзии С.А. Есенина и А.А. Блока // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. - №1. – С. 176-180.

4. Родина // Большая советская энциклопедия, 1969 – 1978. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/%D1%87%D1%82%D0%BE%20%D1%80%D0%BE%D0%B5%20%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0/%D0%91%D0%A1%D0%AD/%D0%A0%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0/>

5. Что такое Родина // Режим доступа: <http://drugieberega.atomsoznanya.ru/atomsoznanya/117-chto-takoe-rodina.html>

6. Что такое Родина // Режим доступа: <http://qalib.ru/answer.php?title=1-555>

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКТЕГОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Воинкова Ю.С.,

Курган

В современной фразеологии существуют разные семантические классификации процессуальных фразеологизмов со значением деятельности. [2; 3; 4].

Исследование семантической структуры 1889 процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности позволяет сделать вывод о том, что все анализируемые фразеологические единицы можно разделить на два больших типа: фразеологизмы, обозначающие абстрактную деятельность (*брать/взять в толк, вести себя*), и фразеологические единицы со значением конкретной деятельности (*делать/сделать дело, зарабатывать/заработать (свой) хлеб*).

Абстрактная (или духовная) деятельность подразумевает «процесс целенаправленного систематизированного отражения действительности». Конкретная (или практическая) деятельность представляет собой «преобразование природы и всей предметной и социальной среды, в которой протекает жизнедеятельность человека» [1].

В семантике процессуальных фразеологизмов, обозначающих абстрактную деятельность, отражена сфера духовной жизни человека. Значение фразеологизмов конкретной деятельности не отражает связь обозначаемых действий со сферой сознания, с системой нравственных ценностей человека.

Количество фразеологических единиц со значением абстрактной деятельности почти в 2 раза превышает количественный объем фразеологизмов, обозначающих конкретную деятельность.

Внутри каждого из рассматриваемых типов процессуальных фразеологизмов можно выделить несколько семантических групп на основе общих групповых сем в структуре значения фразеологизмов. Каждая групповая сема содержит информацию об определенном виде деятельности, существующем в реальной действительности.

К типу «абстрактная деятельность» относятся фразеологизмы, которые обозначают процессы, происходящие в сфере сознания человека (*доходить/дойти своей головой, раскидывать/раскинуть умом*), относящиеся к сфере общения, коммуникации (*вести речь, брать/взять слово, болтать языком*), а также разнообразные поведенческие действия человека (*заложить душу дьяволу, нести (свой) крест, искать топор под лавкой, играть ва-банк*).

Фразеологизмы, обозначающие абстрактную деятельность, могут быть разделены на две группы:

- 1) фразеологизмы, обозначающие речемыслительную деятельность;
- 2) фразеологизмы со значением поведения как деятельности.

Фразеологизмы со значением речемыслительной деятельности образуют самую большую семантическую группу (35,2% от общего числа) единиц: *брать/взять в толк, вбивать/вбить (себе) в (свою)*

голову, держать в уме, делать/сделать вывод, брать/взять слово, вести речь, держать речь и т. п.

Внутри этой группы можно выделить две подгруппы, объединяющие фразеологизмы на основе более конкретных семантических признаков: фразеологизмы, обозначающие мыслительную деятельность (*брать/взять в толк, делать/сделать вывод, забирать/забрать (себе) в голову, приходить/прийти к пониманию*), и фразеологические единицы, обозначающие речевую деятельность (*брать/взять слово, бросаться словами, вести речь*).

Подгруппа, обозначающая мыслительную деятельность, преобладает (68,3%) фразеологизмов.

Фразеологизмы подгруппы «мыслительная деятельность» могут быть направлены на объект (*брать/взять в рассуждение что-л., раскладывать/разложить по полочкам что-л., обращать/обратить внимание* на что-л.) или не иметь объектной направленности (*изобретать/ изобрести велосипед, открывать/открыть Америку, грызть гранит наук*).

В роли объекта анализируемых фразеологизмов чаще всего выступают отвлеченные существительные (*идея, красота, проблема, общность, мысль, вывод, загадка, познание, речь*), например:

Одаренный редкими способностями, на лету схватывал он познания и в 16 лет был таким начетчиком, что старообрядцы только дивились. *П. Мельников-Печерский. Очерки поповщины.*

Подгруппа фразеологизмов со значением речевой деятельности насчитывает 217 (33, 7%) фразеологических единиц (*вести речь, брать/взять слово, бросать/бросить слова на ветер* и др.).

Фразеологизмы речевой деятельности могут быть объектными (*молоть языком что-л., трещать языком о чем-л., чесать язык о чем-л., нести галиматью о чем-л., понести муть о чем-либо*) и безобъектными (*давать/дать волю языку, взвешивать каждое слово*).

В роли объекта исследуемых фразеологизмов выступает, как правило, отвлеченные существительные.

Семантическая группа, обозначающая поведение человека, включает 613 (32,4%) фразеологизмов: *брать/взять на себя, брать/взять быка за рога, вести себя, вести образ жизни, держать себя, делать/сделать хорошую мину при плохой игре* и т. п.:

Фразеологизмы исследуемой группы могут обозначать поведение человека в разных ситуациях (бытовой, официальной, профессиональной и т.п.). Как правило, анализируемые фразеологические единицы содержат в семантической структуре оценочные семы, выражающие негативную или позитивную оценку поведения человека.

В качестве объекта фразеологизмов исследуемой группы чаще всего выступают отвлеченные существительные, обозначающие философские понятия (*будущее, время, смерть, мечта*), социальные понятия (*престиж, имидж, неприкосновенность*) и др.

Фразеологизмы, относящиеся к типу «конкретная деятельность», можно разделить на следующие группы:

- 1) фразеологизмы, обозначающие социальную деятельность;
- 2) фразеологизмы, обозначающие движение;
- 3) фразеологизмы со значением жестово-мимической деятельности;
- 4) фразеологизмы, обозначающие физическую деятельность.

Представление о продуктивности каждой группы дает следующая таблица:

Семантические группы	Примеры	Кол-во	%
Социальная деятельность	<i>проводить/провести реформы</i>	465	76
Движение	<i>задавать/задать стрекача</i>	94	15
Жестово-мимическая деятельность	<i>делать/сделать жест, строить рожу</i>	26	4,5
Физическая деятельность	<i>промочить горло</i>	26	4,5
Всего		611	100

Внутри групп «социальная деятельность» и «жестово-мимическая деятельность» выделяются подгруппы на основе более конкретных семантических признаков.

В группе «социальная деятельность» можно выделить следующие подгруппы:

1) фразеологизмы с общим значением трудовой деятельности (*делать/сделать дело, делать/сделать работу*);

2) фразеологизмы со значением профессиональной деятельности (*возбуждать/возбудить (уголовное) дело, делать/сделать операцию, делать/сделать вливание, братья/взяться за баранку*);

3) фразеологизмы, обозначающие социально-политическую деятельность (*ввязываться/ввязаться в войну, вкладывать/вложить меч в ножны, всходить/взойти на вершину власти, выдвигать/выдвинуть свою кандидатуру*);

4) фразеологизмы, обозначающие финансовую деятельность (*бросать/бросить деньги на ветер, бросаться деньгами, вкладывать/вложить деньги, вкладывать/вложить средства, делать/сделать деньги*);

В группу фразеологизмов со значением движения входят 94 (4%) фразеологические единицы, например: *делать/сделать движение, делать/сделать ноги, давать/дать тягу, давать/дать драпа/драла* и другие.

К группе фразеологизмов, обозначающих жестово-мимическую деятельность, относятся 26 (1,3%) единиц, например: *делать/сделать жест, делать/сделать гримасу, делать/сделать (...) глаза, делать/сделать физиономию* и другие:

Группа фразеологизмов со значением конкретной физической деятельности насчитывает 26 (1,3%) единиц, например: *делать/сделать вздох, делать/сделать выдох, заморить червячка/червяка, помочить горло, прополоскать желудок* т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. – М.: Мысль, 1978.
2. Коваль М.Л. Структурно-семантические свойства и функционирование процессуальных фразеологизмов в художественном тексте (на материале субкатегории психофизического состояния и мыслительной деятельности лица): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2000.
3. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов: Учебное пособие. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999.
4. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. Челябинск: ЧГПИ, 1983.

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА В СТИХОТВОРЕНИЯХ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Гончарова Н.В.,
Курган

В центре внимания современных лингвистических исследований находится проблема изучения человека в языке, прежде всего человека как создателя текста. Художественный (и поэтический как особая разновидность художественного) текст глубоко антропоцентричен и наиболее полно отражает свойства своего создателя. Как пишет Л.Г. Бабенко, «антропоцентризм текста обусловлен эгоцентрической позицией человека (в облике автора и в обликах персонажей) в семантическом пространстве текста. Человек – центр литературного произведения и как субъект повествования, и как объект эстетического художественного познания» [1; 101].

Анализ поэтических и прозаических произведений в конечном итоге направлен на выявление образа человека, способы

номинации которого, на наш взгляд, представляют несомненный интерес. Лексические и фразеологические обозначения человека занимают важное место в языке и речи. Объектом научного рассмотрения становились различные системы наименований лица: лексические (Белоусова А.С.), фразеологические (Ратушная Е.Р.), лексико-фразеологические литературные (Катермина В.В.) и диалектные средства характеристики человека (Бахвалова Т.В.).

Специфичны в плане речевой характеристики лица произведения Осипа Эмильевича Мандельштама (1891-1938), индивидуальные и творческие особенности личности которого отражаются в лексике и фразеологии, воплощаются в единицах, приобретающих новый, окказиональный смысл в стихотворениях и отражающих своеобразие идиостиля автора. Одной из составных частей индивидуальной картины мира О. Мандельштама является система фразеологических наименований человека.

Статья посвящена описанию структурно-грамматических и семантических свойств поэтических фразеологизмов со значением лица в стихотворениях О. Мандельштама. Актуальность темы определяется, во-первых, отсутствием лингвистических исследований поэтической фразеологии О. Мандельштама, система созданных автором фразеологических обозначений человека специальному изучению не подвергалась; во-вторых, нерешенностью терминологических проблем поэтической фразеологии, необходимостью уточнения лингвистической сущности и признаков поэтического фразеологизма; в третьих, оригинальностью речевого материала, неповторимостью и уникальностью фразеологизмов, характеризующих лицо в стихотворениях О. Мандельштама. В связи с этим представляется важным комплексное исследование внешней и внутренней формы наименований человека, являющихся на структурном, грамматическом и семантическом уровнях важным компонентом языковой картины мира поэта.

Объект исследования – поэтические фразеологизмы со значением лица как окказиональное речевое явление, ограниченное

сферой стихотворных текстов О. Мандельштама. Предмет исследования – структурно-грамматические и семантические особенности поэтических фразеологизмов со значением лица в стихотворениях О. Мандельштама.

Материалом исследования являются 320 единиц, характеризующих человека в поэтических текстах О. Мандельштама. Единицы выявлены и зафиксированы в файловой компьютерной картотеке, созданной на основе отбора из стихотворений поэта разных лет. Источником для обнаружения поэтических фразеологизмов со значением лица послужила вся лирика О. Мандельштама (сборники «Камень», «Tristia», «Стихи 1921-1925», «Новые стихи», «Воронежские тетради», «Стихи 1908-1937»), исключая детские и шуточные стихи, а также переводы.

Комплексный анализ структурно-грамматических и семантических особенностей фразеологических наименований человека в поэтических текстах О. Мандельштама позволяет сделать следующие выводы:

1. Многообразие терминов для единиц поэтической фразеологии свидетельствует о наличии разных подходов, обусловленных спецификой материала исследователей и их принадлежностью к той или иной научной парадигме. В качестве рабочего мы используем термин «поэтические фразеологизмы», под которыми понимаем «речевые единицы, имеющие следующие признаки: 1) номинативность, идиоматичность, целостность значения, раздельнооформленность, коннотативность, то есть признаки, совпадающие с традиционно выделяемыми признаками общеязыковых фразеологизмов; 2) воспроизводимость, устойчивость, то есть признаки, сближающие поэтические и узуальные фразеологизмы, но специфичные по содержанию; 3) принадлежность речи, функциональная ограниченность, окказиональность, то есть признаки, позволяющие выявить особенности поэтического фразеологизма как речевого явления, ограниченного сферой

поэтических текстов и имеющего ярко выраженный индивидуально-авторский характер» [2; 11].

2. Внешняя форма поэтических фразеологизмов со значением лица складывается из наличия определенного количества компонентов с особым порядком следования, организованных по различным синтаксическим моделям. Наиболее частотны (70% употреблений) двухкомпонентные фразеологические единицы, организованные по моделям словосочетаний с подчинительной связью. Большинство единиц имеет модель атрибутивного словосочетания с синтаксической связью согласование, максимальной продуктивностью обладает структурная схема «согл. компонент (прил.) + сущ. в им. п.», посредством которой О. Мандельштам точно, содержательно именуется своего героя, характеризуя его профессиональные и человеческие качества. Поэтические фразеологизмы-наименования лица имеют закреплённый порядок следования компонентов (прямой или инверсивный, контактный или дистантный), обладающий различными выразительными возможностями в поэзии О. Мандельштама.

3. С точки зрения грамматических свойств поэтические фразеологизмы со значением лица оформляются посредством категорий рода, числа и падежа, являющихся выразителями категориального и субкатегориальных значений единиц. Функционирование морфологических категорий определяется семантико-грамматическими свойствами главного компонента – имени существительного, флексии которого являются основными средствами выражения значения. В отношении категории рода наименования человека делятся на четыре группы и опорный компонент-существительное содержит указание на биологический пол описываемого лица, даёт обобщённую характеристику человека, имеет значение предметности и значение «живое существо». Категория числа в поэтических фразеологизмах со значением лица отражает единичность/неединичность персонажей стихотворений О. Мандельштама. Формы единственного числа являются наиболее

продуктивными, что обусловлено субъективным, оценочным, экспрессивным характером созданных поэтом наименований. Категория падежа, выражающая отношение фразеологической единицы к другим словам в поэтическом тексте, представлена всеми шестью падежными формами, но значительно преобладает форма именительного падежа, которая имеет номинативное значение и служит для называния субъекта действия или носителя признака.

4. Семантическая структура поэтических фразеологизмов со значением лица в стихотворениях О. Мандельштама в качестве обязательных составляющих включает категориальную сему «предметность»; субкатегориальные семы «одушевленность» и «лицо»; подсубкатегориальные семы «лицо как производитель деятельности», «лицо как инициатор отношений», «лицо как носитель состояния». Персонажи в стихотворениях О. Мандельштама получают определенное наименование в соответствии с характеристикой по роду занятий, трудовой деятельности, по отношению к другим лицам, к окружающей действительности и по внутреннему, психическому состоянию. Каждая из подсубкатегорий включает несколько семантических групп, подгрупп, типов.

5. Все компоненты анализируемых фразеологизмов-наименований лица претерпевают глубокие преобразования на семантическом уровне, основой для формирования значения является потенциал слов-компонентов. Важнейшим фразообразующим фактором является употребление в качестве главного компонента бывшего имени существительного: личного, обеспечивающего категориальное и субкатегориальные значения, и неличного одушевленного и неодушевленного, создающего на основе переносных метафорических значений семантику поэтических фразеологизмов со значением лица. Семы главных и зависимых компонентов, в свободном употреблении относящихся к разным частям речи, преобразуются в составе фразеологизмов, обеспечивая создание новых, только О. Мандельштаму свойственных обозначений людей. Номинации персонажей в стихотворениях поэта отличаются

удивительной точностью портрета, контекстуальное окружение усиливает коннотативную составляющую значения единиц.

Таким образом, научная новизна проведенного исследования заключается в том, что впервые системному анализу подвергаются фразеологизмы-наименования человека в стихотворной речи О. Мандельштама; выявляются категориальные признаки поэтических фразеологизмов со значением лица в стихотворениях О. Мандельштама; определяются особенности структурной и грамматической организации фразеологических наименований человека в поэзии О. Мандельштама; анализируется семантическая структура фразеологизмов, выявляется роль компонентов в создании категориальной, субкатегориальных, подсубкатегориальных, групповых и индивидуальных сем единиц со значением лица в текстах О. Мандельштама; характеризуется механизм формирования индивидуального значения поэтических фразеологизмов, обозначающих человека, в стихотворной речи О. Мандельштама.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учеб. для вузов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.

2. Гончарова Н.В., Усачева Н.Б. Содержание понятия «поэтический фразеологизм» // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской: сб. науч. тр.: вып. 3 / отв. ред. Н.Б. Усачева. – Курган: Изд-во КГУ, 2006. – 309 с.

ГАЗЕТНЫЕ ЗАГОЛОВКИ-ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ: ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

(на материале русскоязычной прессы Украины)

Григораш А.М.,

Киев

Пословицы и поговорки являются не только постоянным средством общения, но и средством познания национального характера народа, проникновения в систему его ценностей, хранилищем разнообразной культурологической информации. Поскольку они общеизвестны и узнаваемы большинством читателей газет, журналисты достаточно часто используют их в качестве газетных заголовков с целью привлечь внимание тех же читателей к содержанию того или иного газетного материала, как «в первоизданной форме», так и в «модернизированной».

Наиболее распространенным приемом индивидуально-авторской интерпретации пословиц и поговорок-газетных заголовков является замещение структурного компонента лексемой другого логико-предметного или тематического плана, в данном случае – известной аббревиатурой, то есть названием международной организации: «Вот тебе, бабушка, и ВТО! *От безденежья, в немалой мере вызванного дефицитом внешней торговли, выросшим после вступления в ВТО, Украина намерена пойти на беспрецедентный шаг и поднять максимально допустимые пошлины сразу на 350 видов товаров! Но что это теперь изменит? Ведь по правилам Всемирного торгового клуба мы должны одновременно снизить пошлины на другие товары. Кроме того, переговоры с партнерами по ВТО наверняка затянутся на годы. А еще эта «инициатива» может поднять в мировой торговле такую волну протекционизма, которая принесет еще больше бед*» («Рабочая газета», № 176 (15253), 5.10.12, с. 2). Ср. первоначальную форму устойчивого выражения: Вот тебе, бабушка, и Юрьев день со значением ‘говорят, когда хотят выразить крайнее удивление или огорчение от неожиданно случившегося, о

чем только что узнали, и это известие отняло надежду, обмануло ожидания» [5, с. 35]. Более сложный случай индивидуально-авторской интерпретации того же устойчивого выражения связан с проявлением национальных особенностей уже двух народов – русского и украинского: «Вот тебе, вуйко, и книжная столица. *В центре Львова – города, который гордится своим неофициальным статусом книжной столицы, в ближайшее время может исчезнуть Дом книги. Процесс, как говорится, уже пошел: в одну из книжных лавок недавно «вселился» магазин цифровой техники. Соседние торговые площади также готовят к передаче в аренду» («Рабочая газета», № 214 (15059), 2.12.11, с. 4).* Словосочетание, как и в первом случае, замещается другим словосочетанием иного тематического плана (соответственно содержанию газетного материала). Однако, в отличие от предыдущего примера, данная индивидуально-авторская интерпретация включает в себя и национальный украинский компонент: вместо обращения *бабушка* употребляется специфически украинское обращение *вуйко*. Ср. в соответствующем словаре: Вуйко *обл.* со значением ‘дядя’ [4, с. 118]. От себя добавим, что подобное обращение характерно для Западной Украины по отношению к пожилым людям независимо от степени родства. Таким образом, включение в русскоязычный газетный контекст украиноязычной лексемы, во-первых, вызывает соответствующие ассоциации, которые можно условно определить как национально-региональные, а во-вторых, даже не зная содержания рассматриваемого газетного материала, читатель легко понимает, “где происходит действие” (недаром Львов на страницах современных русскоязычных газет Украины часто называют *столицей Галичины*).

Выбор пословиц и поговорок в качестве газетных заголовков, как правило, предопределен содержанием того или иного газетного материала. В случаях, когда одна и та же тема освещается несколькими авторами в различных газетах, рассматриваемое замещение базового компонента лексемой другого тематического плана у разных журналистов становится удивительно однообразным:

“Язык до перевыборов доведет. Масштабная драка по поводу законопроекта о региональных языках может спровоцировать досрочные выборы” (“Комсомольская правда в Украине. Киевский выпуск”, № 112 (4106/25501), 26.05.12, с. 1); “Язык до выборов доведет. Верховная Рада приняла в первом чтении законопроект о принципах государственной языковой политики – так называемый закон Кивалова – Колесниченко. “За” проголосовали 234 из 248 народных депутатов, зарегистрированных в сессионном зале. Опальные четыре аналогичных проекта были сняты с рассмотрения путем голосования” (“Рабочая газета”, № 97 (15174), 6.06.12, с. 1). Оба газетных материала посвящены “трудностям” утверждения нового статуса русского языка как регионального: согласно принятому закону, русский язык становится равноправным с языком украинским в 13 областях Украины и может функционировать на всех уровнях языкового употребления, в том числе и на официальном.

Второй популярный прием индивидуально-авторских преобразований пословиц и поговорок-газетных заголовков реализуется на морфологическом уровне: “Язык до Киева довел. Здесь прошли мои первые серьезные гастроли. Мы тогда учились на втором курсе Щепкинского и были прикреплены к спорткомплексу “Динамо”. Буквально вчера проезжали мимо, и я вспомнила, как нас кормили в их столовке. Мы были настоящими студентами – полуголодными, а тут – борц с пампушками. Даже не представляете, каким нам все это казалось вкусным” (“Известия в Украине”, № 188/1651/28695, 5.10.12, с. 1). Ср. первоначальную форму устойчивого выражения: Язык до Киева доведет со значением ‘расспросы помогут найти то, что надо’ [5, с. 109]. Будущее время базового глагола устойчивого выражения *дове́дет* по воле автора газетного материала изменяется на прошедшее, что позволяет подчеркнуть явные ностальгические нотки, звучащие в воспоминаниях известной актрисы.

На синтаксическом уровне индивидуально-авторского преобразования пословиц и поговорок-газетных заголовков наиболее

часто встречается сокращение устойчивых выражений, которое реализуется стилистической фигурой эллипсиса. В результате эллипсиса “ликвидируется противоречие между отдельностью формы и слитностью целостного значения фразеологической единицы” [2, с. 110]. При этом широко наблюдается пословичный эллипсис, который, по замечанию З.А. Павловой, возможен тогда, когда пословица общеизвестна, следовательно, употребления ее части как сигнального фрагмента бывает достаточно, чтобы журналисту – передать, а читателю – понять смысл высказывания [1, с. 180]: “Своя ноша. Зачастую люди не придают серьезного значения давно известному и вызывающему лишь периодический дискомфорт заболеванию, совсем не задумываясь о том, что внутри нас растет и развивается опасный враг, способный покуситься на наше здоровье и даже самую жизнь. К таким болезням можно отнести и грыжу брюшной стенки, достаточно неприятное, но, по мнению многих людей, совсем не опасное явление” (“Петровна”, № 40 (930), 2.10.12, с. 6). Ср. первоначальную форму устойчивого выражения: Своя ноша не тянет со значением ‘то, что несут для себя, не кажется тяжелым, утомительным’ [5, с. 86]; “Терпение и труд. Большинство людей знают о рабовладельческом строе из учебников по истории. Но несколько жителей Херсона почувствовали, что значит быть рабами, на собственном опыте. На ферме, неподалеку от города, людей заставляли работать по 20 часов в сутки, без еды и зарплаты. За попытку сбежать жестоко избивали” (“Известия в Украине”, № 162/1625/28669, 30.08.12, с. 4). Ср. первоначальную форму устойчивого выражения: Терпение и труд все перетрут со значением ‘терпение и настойчивость в работе победят все препятствия’ [5, с. 96].

Еще один распространенный прием индивидуально-авторской интерпретации пословиц и поговорок-газетных заголовков – распространение устойчивых выражений. При этом компоненты-распространители играют ярко выраженную уточняющую роль, помогая тем самым читателям сразу же сориентироваться в содержании текста, следующего непосредственно за заголовком:

«Долг «Витязю» платежом красен. Словно на качелях осваиваются в КХЛ парни из «Донбасса». Начнем не с начала очередного отчетного периода. А прямо с первой для подопечных Юлиуса Шуплера крупной победы в этой лиге – 4:1 над «Северсталью». Этот матч явился, если угодно, искуплением за проигрыш «Витязю» из города Чехова – 1:2» («Киевский вестник», № 112 (7060), 18.10.12, с. 6). Ср. первоначальную форму устойчивого выражения: Долг платежом красен со значением ‘как отнесешься к кому-либо, так отнесутся и к тебе’ [5, с. 43].

Таким образом, при рассмотрении пословиц и поговорок русского языка в качестве газетных заголовков прежде всего следует указать на их строгое морализаторство. Именно пословицы и поговорки заключают в себе “совокупность мнений, выработанных народом как лингвокультурной общностью, что дает возможность обнаружить наиболее значимые ценности, сложившиеся в этническом сознании, отражающие философию и психологию народа” [3, с. 208]. Благодаря же индивидуально-авторской интерпретации во всех рассматриваемых выше случаях возникает легкая ирония, позволяющая авторам газетных материалов не только изложить определенные факты, но и продемонстрировать свое отношение к описываемому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова З.А. Эллипсис и обособление компонентов фразеологических единиц в газетных заголовках: на материале «Morning Star» / З.А. Павлова // Фразеология. – Ч. 1. – Челябинск, 1973. – С. 179-185.

2. Ренская Т.В. Эллиптированные фразеологические единицы в романе Л.Н. Толстого “Война и мир” / Т.В. Ренская // Проблемы русской фразеологии. – Тула, 1977. – С. 109-114.

3. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002. – 240 с.

4. Українсько-російський словник / За ред. Л.С. Паламарчука, Л.Г. Скрипник. – К.: Наукова думка, 1976. – 944 с.

5. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров. – М.: Русский язык, 1979. – 240 с.

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО
СОЦИАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ, ПОСТРОЕННЫЕ ПО МОДЕЛИ
СЛОВСОЧЕТАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Иванова Е.А.,
Курган

Проблема структурной модели является общей для языкознания. Четкого понимания термина «структурная модель» не существует. Толковый словарь русского языка формулирует следующее определение структурной модели (языка) – это «построение (реконструкция) структуры по формальным правилам и упрощенным теоретическим положениям, когда отбираются и систематически увязываются важные переменные структуры» [4].

Понятие «фразеологическая модель» в лингвистике появилось сравнительно недавно. В.М. Мокиенко под фразеологической моделью понимает «структурно-семантический инвариант устойчивых сочетаний, схематически отражающих относительную стабильность их форм и семантики» [1, с. 53].

А.М. Чепасова определяет «фразеологическую модель» как синтаксическую схему «с разнообразным компонентным составом, “намертво” закреплённую в каждом отдельном случае сочетания» [3, с. 32].

В данной статье под *структурной фразеологической моделью*, вслед за представителями челябинской фразеологической школы, мы понимаем «тип синтаксических конструкций, по которым образуется

ряд устойчивых словосочетаний, схематически отражающих относительную стабильность их формы и семантики» [2, с. 36].

Анализируя структурно-грамматическую организацию фразеологизмов-антропономинантов по социальным признакам (ФАСП) русского и английского языков, мы учитывали синтагматическое строение фразеологизма, характер синтаксической связи, способ выражения синтаксических отношений, положение зависимого компонента ФЕ по отношению к стержневому. Были выявлены структурные модели фразеологизмов, общие и специфичные для обоих анализируемых языков.

С точки зрения структурной организации фразеологизмов, номинирующих человека по социальным признакам двух анализируемых языков, мы выделили две синтаксические модели: модель словосочетания и модель предложения. В настоящей работе мы рассматриваем модель словосочетания.

Наиболее продуктивной синтаксической моделью фразеологизмов, обозначающих человека по социальному признаку, русского и английского языка является модель словосочетания (92% и 90% соответственно).

Модель словосочетания имеет разнообразные частные модели и в русском, и в английском языках:

1. ЗК (Adj) + СК (N), атрибутивно-препозитивный с согласованием в русском языке: *белая ворона, денежный мешок, коронованная особа*. Например: Люди "среднего возраста" не выглядят в таких компаниях *белыми воронами* (РГ, 28.03.11). У школ нет единого *денежного мешка*, из которого директор по своему усмотрению может тратить бюджетные деньги в зависимости от оперативных нужд (РГ, 26.08.10).

Для английского языка нехарактерна связь согласование, однако данная модель присутствует в языке с синтаксической связью примыкание (адъективно-именной атрибутивно-препозитивный с примыканием): *a big fish* [=большая рыба], *blue blood* [=голубая кровь], *secret agent* [=секретный агент].

Особенностью английского языка является субстантивно-именной подтип атрибутивно-препозитивной модели словосочетания: ЗК (N) + СК (N), где зависимый компонент-существительное выступает в роли определения: *sugar daddy* [=сахарный папочка], *state boss* [=босс штата], *milk cow* [=молочная корова]: Alan Simpson needed only a few ill-chosen words to utterly infuriate a lot of Americans. He compared Social Security to “a milk cow” (NYDN, 26.08.10).

В русском языке в качестве стержневого компонента может выступать субстантивированное прилагательное - *новый русский*.

При модификации ФАСП русского языка в газетно-публицистическом дискурсе для создания определенного эффекта возможна инверсия (положение ЗК после СК): *духовный отец – отец духовный*. Например: На это свидетелем Бог и *отец мой духовный!* (АиФ, 18. 08. 09).

Трансформация такого рода невозможна в английском языке, подобные изменения противоречат правилам создания словосочетания в языке и приводят к структурным и семантическим ошибкам во фразеологизме.

В обоих сопоставляемых языках в структуре Adj + N вместо прилагательного может быть использовано числительное (как порядковое, так и количественное): *первая леди, первое лицо; два сапога, одна шайка; first lady* [=первая леди], *second string* [вторая веревка] – «дублер» - а также местоимение: *свои люди, наш человек, его величество, her majesty*.

2. Следующая модель ФАСП характерна только для русского языка, т.к. функционирования такой модели противоречит законам построения словосочетания английского языка:

СК (N) + ЗК (Adj), постпозитивно-атрибутивный с согласованием: *голь бездомная, братья меньшие, бич божий*.

Исключением в английском языке является ФЕ *New York's finest* [=лучшие Нью-Йорка] – «полицейские», где *New York's* - атрибутивный компонент, *finest* – субстантивированное прилагательное, т.е. выполняет функции существительного,

следовательно, законы построения словосочетания английского языка не нарушены.

3. СК (N) + ЗК (N), атрибутивно-постпозитивный с управлением (зависимый компонент в форме Род.п.): *герой дня, властитель дум, спутник жизни*. Данная структурная модель ФАСП присуща только русскому языку.

Часто зависимый компонент семантически расширен за счет стоящего перед ним прилагательного (*женщина легкого поведения, птица невысокого полета, профессор кислых щей*) или притяжательного местоимения (*мастер своего дела, герой нашего времени*).

Редко зависимый компонент данной структурной модели может быть в форме творительного падежа - *князь князем*.

Иногда в качестве стержневого компонента выступает не существительное, а субстантивированное прилагательное: *сильные мира сего*. Например: На концерты Шарон Кларк приходят и *сильные мира сего* (РГ, 10.06.11).

4. СК (N) + Prep. + ЗК (N), атрибутивно-предложный тип с постпозицией и управлением (в русском языке) и примыканием (в английском языке). Предлоги служат средством связи компонентов ФЕ, уточняют (в русском языке) или выражают (в английском языке) значение падежных форм. Фразеологизмы с предлогами продуктивны в анализируемых языках. Предложная подчинительная связь объективируется в русском языке следующим образом: СК (N) + в (во) + ЗК (N), зависимый компонент имеет форму предложного падежа: *кот в мешке*; СК (N) + с + ЗК (N), субстантивный зависимый компонент выражен формой творительного падежа: *человек с именем*; СК (N) + без + ЗК (N), где предлог указывает на форму родительного падежа: *ноль без палочки*; СК (N) + по + ЗК (N), дательный падеж: *братья по перу*; СК (N) + на + ЗК (N), зависимый компонент имеет форму предложного падежа: *собака на сене*; СК (N) + для + ЗК (N), зависимый компонент выражен формой родительного падежа:

мальчик для битья; СК (N) + от + ЗК (N), субстантивный зависимый компонент выражен формой родительного падежа: *плоть от плоти*.

В английском языке используются различные предлоги данной модели, среди которых преобладает предлог *of*:

СК (N) + of+ ЗК (N): *Man of the hour* [= человек часа], *Master of ceremonies* [=мастер праздников].

5. Для русского языка специфичной является модель ЗК (N) + СК (N), в которой в качестве стержневого компонента выступает субстантивированное причастие: *власть имущие, власть предержащие*.

6. В английском языке продуктивна модель ЗК (Part I; II) + СК (N), атрибутивно-препозитивного типа с примыканием, т.е. зависимый компонент представлен причастием I (причастие настоящего времени соответствует в русском языке действительному причастию настоящего времени либо деепричастию) или II (причастие прошедшего времени на русский язык обычно переводится страдательным причастием совершенного или несовершенного вида): *working class* [=работающий класс], *leading man* [=ведущий человек], *rising star* [=восходящая звезда]; *sworn enemy* [=проклятый враг].

В русском языке названная модель малоактивна (8 ФЕ), данному типу соответствует модель ЗК (Adj) + СК (N), атрибутивно-препозитивный с согласованием.

В результате исследования было выявлено, что модель словосочетания является наиболее продуктивной в обоих анализируемых языках (344 ФЕ и 456 ФЕ). Данная модель имеет частные разновидности и в русском, и в английском языке.

Для обоих сопоставляемых языков характерны следующие частные модели словосочетания: тип атрибутивно-предложный с постпозицией и тип атрибутивно-препозитивный, в котором стержневой компонент выражен именем прилагательным или причастием (в основном, в английском языке). Однако особенностью английского языка является то, что в качестве атрибутивного

компонента может выступать и имя существительное, но лишь в русском языке возможна инверсия в атрибутивно-препозитивной модели.

Постпозитивно-атрибутивный тип с согласованием, атрибутивно-постпозитивный с управлением (зависимый компонент выражен формой родительного падежа) и атрибутивно-препозитивный (в качестве стержневого компонента выступает субстантивированное причастие) являются специфичными для русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1989. – 287 с.

2. Филимонова Н.В. Фразеологизмы, номинирующие человека по чертам характера, в русском и немецком языках: структурный и семантический аспекты: дис... канд. фил. наук / Н.В. Филимонова. – Челябинск, 2011. – 274 с.

3. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов: Учеб. пособие к спецкурсу / А.М. Чепасова. – Челябинск, 1983. – 100 с.

4. Электронный ресурс: www.slovarus.ru

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНВЕРСИВОВ

Кабыш В.И.,
Курган

Целью настоящего исследования является описание структурных типов фразеологических конверсивов. В связи с этим необходимо решить следующие задачи: выявить корпус процессуальных фразеологизмов, вступающих в конверсивные отношения; охарактеризовать структурные разновидности фразеологических конверсивов; определить роль глагольных и

неглагольных компонентов в формировании семантики конверсивности; выявить специфику каждого структурного типа.

Под фразеологическими конверсивами мы понимаем пару фразеологических единиц, выражающих обратные отношения между субъектом и объектом в обращенных высказываниях, обозначающих одну и ту же ситуацию (*купить/продать в долг, оказывать/принимать благосклонность, кидать/ловить на лету, подать/принять апелляцию, пробить/пропустить пенальти, проиграть/выиграть битву, взять/дать взятку* и др.). Наша картотека насчитывает более 500 пар исследуемых единиц.

Лингвисты выделяют следующие структурные разновидности конверсивов-глаголов, характерные и для фразеологического материала: глаголы (предикаты) со значением действия и объекта этого действия; конверсивы «в себе»; глаголы (предикаты) со значением причины и следствия; разнонаправленные по отношению к актантам глаголы («готовые» конверсивы) [Новиков 1982: 217], [Апресян 1974: 263].

«Готовые» фразеологические конверсивы структурно выражаются в чередовании разнонаправленных по отношению к актантам компонентов-глаголов **брать/давать, купить/продать, проиграть/выиграть, подать/принять, кидать/ловить** и др.: (*купить/продать за тридцать сребреников, пробить/пропустить пенальти, проиграть/выиграть битву, взять/дать в долг, взять/дать взятку* и др.). Семантику конверсивности (взаимобратности) в исследуемые фразеологические единицы привносят компоненты-глаголы, в свободном употреблении являвшиеся объектными: **взять, купить, снять что, у кого – давать, продать, сдать что, кому**. Семы «*взаимный*» («Общий для обеих сторон, обоюдный; обусловленный один другим, связанный один с другим» [Ожегов, Шведова 2004: 78]) и «*обратный*» («4. В матем.: такой, при котором увеличение одного вызывает уменьшение другого и наоборот» [Ожегов, Шведова 2004: 436]) содержатся в свободных значениях этих глаголов: **сдать** (в аренду, квартиру, комнату, дачу, жилье, крышу); «2. Отдать внаем

кому-либо» - **снять** «10. Взять внаем у кого-либо» [Ожегов, Шведова 2004: 707, 113]; **занять** (деньги, до зарплаты) «Взять займы у кого-либо» - **одолжить** «Дать займы кому-либо» [Ожегов, Шведова 2004: 213, 447]. В свободном употреблении глаголы-конверсивы могли обозначать различные отношения: содействия: **дать, подать, передать, предоставить, поддержать, оказать**; товарно-денежные отношения: **купить, продать, сдать, снять, занять, одолжить**; вербально-коммуникативные отношения: **сообщить, узнать**; отношения обладания: **взять, принять, получить**; доминантные отношения: **проиграть, выиграть**. Входя в состав процессуальных фразеологизмов, вступающих в конверсивные отношения, они приносят категориальную (процессуальность), субкатегориальную (отношения) и различные групповые и индивидуальные семы. Таким образом, семантику конверсивности в «готовых» фразеологических конверсивах формируют компоненты-глаголы субкатегории отношения, содержащие в своем значении указание на объект, включающие в свою семантику взаимообратное значение.

При этом оба актанта: антецедент (предшествующий член) и консеквент (последующий член) - максимально активны, они совершают осознанные действия по отношению друг к другу, проявляя собственную волю и имея право выбора на совершение/несовершения данного действия. Например:

Обычно газетные работники берут у Гребенщикова интервью и отражают, как правило, его мнение. *В. Попов. Обретешь в бою. Знаете, в марте я давал интервью Рою Стиллману. С. Довлатов. Иностранка.*

Наша картотека показывает наличие во фразеологическом составе около 60 пар единиц, выражающих конверсивные отношения «в себе». Это такие фразеологизмы, которые в силу своих специфических свойств (семантической и синтаксической симметричности) могут без всякого изменения (мены на свой конверсив) входить в состав обоих высказываний – исходного и конверсивного. Такие фразеологические конверсивы «не имеют

соответствующих конверсных противочленов и как бы заключают конверсивные отношения «в себе» [Новиков 1982: 218]. Например: *иметь отношения, иметь сходство, иметь точки соприкосновения, находиться во взаимодействии, находиться в связи, обмениваться/обменяться рукопожатиями, объединяться/объединиться под одной крышей, подписывать/подписать соглашение* и мн. др.

В создании семантики конверсивности в себе участвуют глагольные и именные компоненты фразеологической единицы. Чаще всего такую семантику создают именные компоненты: **отношения, сношения, соприкосновение, контакт, столкновение, взаимодействие** и др. Компоненты-глаголы в данных единицах имеют максимально абстрактное по отношению к другим глаголам значение: **быть, иметь, находиться**. Поэтому семантическим центром является именной компонент. Имена существительные, становясь компонентом фразеологической единицы, приносят сему «взаимность», которая лежит в основе конверсивных отношений в себе. Именные компоненты представлены двумя группами: 1) «социальные связи и отношения»: *быть в контрах, быть в ладах, быть в разводе, быть в ссоре, вести/повести дружбу, вести/повести знакомство, держать связь*; 2) «вербально-коммуникативные отношения»: *вести/повести беседу, вести/повести диалог, вести/повести переговоры, вести/повести разговор, вести/повести спор, иметь объяснения*.

Лиля, я человек самостоятельный, и если Вы с кем уже **состоите в переписке**, так я мешать не стану. *Работница, № 4, 2000.*

А впритык с ним два старика **ведут** свою степенную **беседу**. З. Богуславская. *Защита*.

Реже семантику конверсивности в себе во фразеологические единицы приносят глагольные компоненты: 1) бывшие возвратные глаголы (**встречаться/встретиться, меряться/померяться, обмениваться/обменяться, расходиться/разойтись**,

сходиться/сойтись), которые привносят во фразеологизмы субкатегориальное значение отношения; семантику конверсивности в себе формирует постфикс **-ся** с взаимно-обратным значением: *встречаться/встретиться глазами, встречаться/встретиться на узкой дорожке, меряться/померяться силой, обмениваться/обменяться взглядами, обмениваться/обменяться любезностями;* 2) глаголы (**разделять/разделить, связывать/связать**), в индивидуальных значениях которых содержится сема «совместность», необходимая для формирования семантики конверсивности в себе: *разделять/разделить мысль, разделять/разделить убеждения, разделять/разделить мнение, связывать/связать узами Гименея.*

Наша картотека насчитывает около 100 пар фразеологических конверсивов причинно-следственного типа: *претерпеть преобразования – подвергнуть преобразованиям, лишиться жизни – лишать жизни, испытывать ненависть – внушать ненависть, чувствовать симпатию – возбуждать симпатию.* Под каузативной ситуацией понимается макроситуация, состоящая из “по меньшей мере двух микроситуаций, связанных между собой отношением каузации или причинения” [Недялков, Сильницкий 1969]. Отношение каузации имеет место, если один из фактов действительности изменяется в результате воздействия на него другого. Рассмотрим каузативную пару фразеологизмов *испытывать страсть – возбуждать страсть* (Он испытывает к ней страсть – Она вызывает у него страсть). Первый актанта (он) изменяется (начинает испытывать страсть) в результате причинения определенного воздействия на него (вызывает страсть) со стороны второго актанта (она). При этом компонент-каузатив *вызывать*, привносящий во фразеологическую единицу значение «заставить появиться, породить» [Ожегов, Шведова 2004: 112], включает в себя две микроситуации: воздействие на кого/что-либо – изменение кого/чего-либо по причине воздействия.

Каузативность в парах исследуемых процессуальных фразеологизмов создается за счет глагольного компонента-каузатива,

привносящего значение *причинности* (**причинить** – «произвести, послужить причиной чего-либо» [Ожегов, Шведова 2004: 603], **обусловить** – «2. явиться причиной чего-либо, вызвать что-либо» [Ожегов, Шведова 2004: 438], **принести** – «4. причинить, дать в результате» [Ожегов, Шведова 2004: 595], **вести** – «4. вовлечь во что-либо, причинить кому-либо что-либо» [Ожегов, Шведова 2004: 70], **доставить** – «2. обеспечить, предоставить, причинить (то, что названо сущ.)» [Ожегов, Шведова 2004: 177]) или *воздействия* (морального, физического), в результате которого происходит изменение объекта (**вызвать** – «3. заставить появиться, породить» [Ожегов, Шведова 2004: 112], **ввергнуть** – «1. силой вовлечь, поместить куда-либо» [Ожегов, Шведова 2004: 70], **побудить** – «склонить к какому-либо действию» [Ожегов, Шведова 2004: 527], **вынудить** – «1. заставить, принудить» [Ожегов, Шведова 2004: 115], **навязать** – «3. принудить, заставить принять, купить что-либо» [Ожегов, Шведова 2004: 377]).

Как показывает наша картотека, во фразеологизмы, вступающие в причинно-следственные отношения, семантику каузативности привносят компоненты-глаголы следующих типов: 1) классические каузативы, устанавливающие причинно-следственные отношения между двумя нерасчлененными событиями: *испытывать интерес – вызывать интерес, иметь сомнение – вызывать сомнение, находиться в отношении – вызывать отношения, быть в связи – вызывать связи*; 2) личностные каузативы, представляющие некоторое событие как результат воздействия одного лица на волю другого: *принимать мнение – навязывать мнение, иметь суждение – навязывать суждение, иметь уверенность – внушать уверенность*; 3) личностные каузативы, представляющие событие как непосредственный результат действия некоторого лица: *доходить до изнеможения – доводить до изнеможения, доходить до изнурения – доводить до изнурения, входить в строй – вводить в строй, вступать в эксплуатацию – вводить в эксплуатацию*; 4) «двуличные» каузативы, представляющие некоторое субъективное,

психическое событие, как стимулированное некоторым лицом: *питать симпатию – возбуждать симпатию, испытывать доверие – внушать доверие, чувствовать тревогу – внушать тревогу, испытывать страдания – причинять страдания*; 5) личные каузативы, обозначающие связь двух физических событий — агентивного и безагентного: *идти на буксире – тащить на буксире, идти ко дну – пустить на дно, занимать вертикальное положение – приводить в вертикальное положение*.

Наша картотека насчитывает около 100 пар фразеологических конверсивов со значением действия и объекта этого действия. Специфика исследуемого структурного типа заключается в том, что один из актантов - антецедент (предшествующий член) - максимально активен, он совершает **действие** – «1. Проявление какой-либо энергии, деятельности, а также сама сила, деятельность, функционирование чего-либо. 2. Результат проявления деятельности чего-либо, влияние, воздействие» [Ожегов, Шведова 2004: 157]; воздействует, влияет на объект, подчиняет его своей воле. Второй же актант - консеквент (последующий член) – являясь **объектом действия** («семантическая категория со значением того, на кого/что направлено действие или обращено состояние» [Ожегов, Шведова 2004: 441]), напротив, максимально пассивен, он не имеет права выбора, он испытывает воздействие, ему навязывается воля антецедента: *устроить головомойку – получить головомойку, подвергать воздействию – испытывать воздействие, захватить в ярмо – попасть в ярмо*. Например:

Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель, **дали пинка** коленом, и он упал навзничь в снег и ничего уже больше не чувствовал. *Н. Гоголь. Шинель*.

Серохвостов **дал пинка** несчастному псу и отправился восвояси. *Г. Куликова. Повести*.

Отличие исследуемых единиц от фразеологических конверсивов причинно-следственного типа заключается в возможности/невозможности проявления воли консеквентом. Во

фразеологических каузативах консеквент имеет право выбора поступать так или иначе, он может проявить свою волю. Ср.: *навязывать волю – принимать* – «6. Соглашаться с чем-либо, относиться к чему-либо положительно» [Ожегов, Шведова 2004: 596] (не принимать) *волю; подвергать соблазну – поддаться* – «2. Уступать под чьим-либо давлением; 3. Дать себя поймать, схватить, не оказав сопротивления» [Ожегов, Шведова 2004: 572] (не поддаться) *соблазну; перетянуть на сторону – перейти* – «4. Переменить работу, состояние, место пребывания» [Ожегов, Шведова 2004: 504] (не перейти) *на сторону*.

Семантику конверсивности в исследуемые фразеологические единицы приносят компоненты-глаголы: 1) «активные» - со значением воздействия (**давать, брать, заключать устраивать**), которые в большинстве в свободном употреблении относились к субкатегории деятельности, выражая групповую семантику физической деятельности; в составе исследуемых единиц они формируют значение активного воздействия на объект; 2) «пассивные» - со значением испытываемого воздействия (**быть, испытывать, получать, оказываться, попасть, подвергаться**), которые в свободном употреблении выражали семантику социального состояния, во фразеологические конверсивы они приносят семантику испытываемого воздействия со стороны активного актанта. Например:

Давать по личности сенсационным материалом – обычное дело для СМИ, которые пытаются повысить свой рейтинг. *МК, 2010.*

Министр культуры **получил по личности** от своего оппонента в присутствии журналистов. *МК, 2011.*

В создании конверсивной семантики участвуют также компоненты- существительные со значением: 1) физического воздействия (**воздействие, мучение, пытки, тумак, взбучка, выволочка**); 2) вербально-коммуникативного воздействия (**критика, насмешки, оскорбления, унижения, нападки**); 3) социального воздействия (**распоряжение, поручение, задание, власть, гонение,**

репрессии, угнетение, кабала); 4) соматизмы (физиономия, ухо, голова, шея, когти, лицо, руки, морда); 5) предметы (ярмо, хомут, ловушка, удочка, сети, тиски, шапка). Две последние группы чаще всего привносят в исследуемые фразеологизмы символическую семантику: когти, руки, ярмо, хомут, ловушка, удочка, сети, тиски – символ власти, физического и морального воздействия на объект.

Вы не знаете, кто эти две барышни, которых я встретил сегодня в саду?... – Ага! **Попался на удочку...** Ну, уж так и быть, удовлетворю ваше любопытство. *А. Куприн. Прапорщик армейский.*

Владимир видел, что этот человек хитрый, он обхаживает его, метит, как бы **поймать на удочку**. *А. Бушков. Повести.*

Таким образом, в современном русском языке существует не менее 500 пар процессуальных фразеологизмов, вступающих в конверсивные отношения. Такие единицы представлены структурными типами: «готовые», «в себе», причинно-следственные, со значением действия и объекта этого действия. Семантику конверсивности в них формируют именные и глагольные компоненты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). – М.: Высшая школа, 1974.

2. Неद्याков В.П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. – Л.: Просвещение, 1971.

3. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Высшая школа, 1982.

4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1992.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В НЕОНОМИНАЦИЯХ ЧЕЛОВЕКА

Катермина В.В.,
Краснодар

В настоящее время, в период стремительного развития науки и техники, расширения межкультурных контактов, значительных социально-политических преобразований, происходящих в современном мире, все больше лингвистов обращается к проблемам относительно недавно возникшего направления в отечественном языкознании – неологии.

Языковые факторы неологизации связаны с внутренней мотивацией процесса вербализации продуктов познания, а также с факторами когнитивно-коммуникативного и дискурсивно-прагматического характера, которые обуславливают рождение нового слова разными проявлениями интеллектуальной и эмотивно-оценочной активности носителей языка (Касьянова 2009).

Новое слово – это способ формирования новых концептов, выведения новых знаний. Задача анализа лексических единиц заключается в решении вопроса, каким образом знания о мире находят свое отражение во внутренней структуре слова (Пивоварова 2007).

Лексическое значение нового слова закрепляет в языковом сознании отображение познаваемого объекта действительности, его место и роль в перекраиваемой (или обновляемой) языковой картине мира. Поэтому в центре исследовательского внимания находятся: а) отношения между порождаемым в процессе неологизации звуковым комплексом и новым или обновлённым концептом; б) отнесенность означающего нового словесного знака к новому означаемому. В целом предлагаемый подход вытекает из речемыслительной концепции языка, опирающейся на его отображательную (через означаемое знака), когнитивную и номинативно-прагматическую функции. Согласно этой теории, значение нового слова содержит, кроме денотативно-сигнификативного компонента, коннотативную

составляющую, в которой традиционно выделяются оценочный, эмотивный, экспрессивный, стилистический микрокомпоненты.

Анализ материала из английских лексикографических источников позволил выделить три группы, номинирующие человека по профессиональному признаку: нейтральная номинация, положительная/отрицательная оценка в профессиональной номинации, профессиональные особенности при номинации рода деятельности, занятий, профессий человека.

Так, к первой группе можно отнести единицы, представляющие различные профессиональные области:

– спорт (sub keeper – substitute goalkeeper; judoka – someone who practises the sport of judo);

– биология (aquarist – someone whose job is to care for aquatic animals, eg fish);

– парфюмерия (aromancer – a dealer in aromas, a fragrance specialist);

– психологическая география (psychogeographer – someone who studies or practises psychogeography, the study of the effects of the physical environment on people's feelings and behavior);

– математика (enigmatologist – someone who studies and writes mathematical, word or logic puzzles).

Основная структурная модель данной группы – аффиксация (суффиксы –ist, -er).

Более разнообразной по своему содержанию является вторая группа, представляющая оценку профессиональной деятельности человека по шкале (–, 0, +). Следует также отметить, что количество единиц, представляющих полярный тип оценки (отрицательную и положительную), приблизительно одинаков.

Данный тип оценки выражен следующими компонентами:

– эмоционально-оценочный, в состав которого входят слова, содержащие сему «хорошо/плохо» (*famous, former hacker, legally, good little, lose/win*):

office plankton – people who work in offices, especially if they have *little* or *average* skill and/or knowledge. The phrase is used to mock their 'average' way of thinking, their opinions on arts, politics and their materialistic goals;

white hat – a *former* computer *hacker* now working *legally*, who is employed by companies to test their computer security systems by trying to hack into them;

starchitect – a very *famous* architect, especially one who has designed a well-known building in the recent past;

mixologist – a bartender who is very *good* at creating new drinks;

choker – a sports person or team who *loses* a sporting contest after being in a position where they should have *won* easily.

– интенсификация, выраженная семой *very*:

mixologist – a bartender who is *very* good at creating new drinks;

starchitect – a *very* famous architect, especially one who has designed a well-known building in the recent past;

– образность, представленная цветовым (white), предметным (hat, star) и зооморфическим (plankton) компонентами: white hat, starchitect, office plankton.

Третью группу составляют особенности профессиональной номинации, среди которых нами были выделены:

– обязанности (technology butler – a member of staff in a hotel whose job is *specifically to perform technical tasks and help guests with computer-related problems*; sky marshal also air marshal or flight marshal – a police officer who is *responsible for the safety of passengers flying on a commercial passenger aircraft*). В дефинициях данных номинантов особо выделяются их обязанности: решать компьютерные вопросы, возникающие у клиентов в гостинице или отвечать за безопасность пассажиров, летающих коммерческими рейсами.

Интересно отметить, что в первом случае одним из компонентов номинанта является название профессии – butler – the chief male servant of the house, in charge of the others. Так, данным компонентом подчеркивается гендер (male) и статус (in charge of the others), а в

сочетании со вторым компонентом technology создается «современный» образ служащего гостиницы, отвечающего за компьютерные проблемы.

Во второй единице (sky/air/flight marshal) первым компонентом выступает «место работы» данного человека, в то время как вторым компонентом – высоким воинским званием (marshal – an officer of the highest rank in certain armies or airforces) – подчеркивается важность обязанностей, выполняемых данным человеком.

– место работы (embed – a journalist placed in a military unit in order to provide news coverage during a war; digital nomad – someone who uses technology, especially a laptop and a wireless network, to work remotely from anywhere in the world). В данных единицах нами были выделены следующие семы, указывающие на «место» работы: placed in a military unit – помещенный в военное подразделение и remotely from anywhere in the world – отдаленным образом из любого места мира.

– методики работы (edutainer – someone who teaches while entertaining his or her pupils or audience; light artist – an artist who creates images using light, rather than paint or any other medium). В указанных номинантах ключевыми семами являются «entertain» – «развлекать» и use light – использовать свет.

В первом случае обучение происходит в сочетании с особой методикой – развлечением аудитории, в то время как к особенностям профессии художника можно отнести использование именно света (а не красок или других материалов).

– время работы (nocturnist – a physician who works in hospital only overnight). В данном номинанте особо указывается на время работы врача – ночное время.

Итак, в данной статье были описаны некоторые особенности семантики неологических номинаций человека, отражающих факты современной социальной деятельности и обладающих информационно-оценочной насыщенностью и эмоционально-экспрессивной выразительностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касьянова Л.Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке XX – начало XXI века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Астрахань, 2009.

2. Пивоварова Е.В. Новая немецкая лексика периода объединения Германии (лингвокультурологические и когнитивные аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 2007.

ВАРИАТИВНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ)

Кудрина Н.В.,
Курган

Фразеологизмы как особые знаки языка отличаются устойчивостью формы и содержания. При этом необходимо разграничивать их системно-языковые и речевые аспекты.

В речевом употреблении фразеологические единицы не являются статичными ни в формальном, ни в смысловом плане. На «текучесть» и «неопределённость» границ ФЕ в индивидуальном употреблении одним из первых указал В.В. Виноградов [Виноградов 1977: 120]. А.М. Бабкин подчёркивал, что подвижность и мобильность фразеологических единиц является закономерным проявлением их «гибкости и диалектичности» в живом употреблении [Бабкин 1970: 9]. В.М. Мокиенко под устойчивостью понимает относительно стабильное употребление ФЕ, так как стабильность употребления фразеологизма часто нарушается в речевой практике носителей языка [Мокиенко 1989: 9].

Таким образом, устойчивость ФЕ допускает, с одной стороны, вариативность, то есть заменяемость компонентов фразеологизма, существование в пределах языковой нормы семантически равноправных вариантов; с другой стороны, – наличие

индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц, или трансформаций.

Явление вариантности ФЕ напрямую связано с тождеством целостного значения. Под *вариантами* фразеологизма понимаются «модификации одной и той же языковой единицы в плане её выражения, не нарушающие плана её содержания» [Добрыднева 1993: 5]. Особенностью фразеологического варьирования является «допущение различных формальных трансформаций при относительной стабильности структурно-семантической модели (resp. фразеосхемы)» [Мокиенко 1990: 173]. Варьированию чаще всего подвергается план выражения ФЕ, а вариативность определяет формальный, количественный предел ФЕ в языке, набор форм ФЕ, которыми располагает язык [Молотков 2001: 7-8; Халикова 1997: 16]. Варьирование фразеологических единиц носит строго закономерный, системный характер.

Рассмотрим особенности варьирования фразеологических единиц в поэтической речи на примере языка поэзии Анны Ахматовой.

1) Вариативность плана выражения в лирике поэтессы проявляется у небольшого количества предметных ФЕ. Например, не нарушает целостность фразеологизма и не приводит к семантическим сдвигам варьирование компонентов во ФЕ *новогодний праздник (день)* и *поминальный день (час)*, так как варьирующимся компонентам свойственна тематическая однородность.

2) Наиболее ярко в стихах поэтессы проявляет себя вариативность плана содержания фразеологических единиц. Она формируется в процессе интегрирования узуального значения ФЕ и субъективно-личностных смыслов, которые реализуются в конкретном поэтическом тексте. При этом значение и смысл соотносятся как объективное и субъективное в значении языковой единицы, или как «системное, социологизированное, постоянное содержание и личностное отношение к нему» [Алефиренко 1997: 3]. Вариативность плана содержания допускает различные речевые

реализации ФЕ, которые определяются замыслом автора высказывания и обнаруживают себя в контексте, при наличии неизменного целостного значения фразеологической единицы.

Так, частотная в поэтических текстах А. Ахматовой ФЕ *поминальный день (час)* обозначает время, когда умершего человека вспоминают близкие ему люди. В разных контекстах значение данной ФЕ остаётся неизменным, однако её речевые реализации различны. Например: 1) «...И ходить на кладбище в *поминальный день* // Да смотреть на белую Божию сирень» (Белая стая, 118) – в данном случае полностью реализовано узвальное значение фразеологизма; 2) «Пусть также они поминают меня // В канун моего *поминального дня*» («Реквием», 202) – конкретизируется содержание ФЕ: речь идёт о будущем дне поминовения лирической героини стихотворения; 3) «Думали: нищие мы, нету у нас ничего, // А как стали одно за другим терять, // Так, что сделался каждый день // *Поминальным днём*, - // Начали песни слагать // О великой щедрости Божьей // Да о нашем бывшем богатстве» (Белая стая, 73) – ФЕ приобретает трагический оттенок, который усиливается за счёт предшествующего фразеологизма *каждый день* – «ежедневно»; 4) «Опять *поминальный* приблизился час. // Я вижу, я слышу, я чувствую вас: // И ту, что едва до окна довели, // И ту, что родимой не топчет земли» («Реквием», 202) – ФЕ получает широкое обобщающее значение в контексте поэмы «Реквием».

При функционировании в лирике А. Ахматовой фразеологические единицы широко подвергаются индивидуально-авторским преобразованиям. По данным нашей картотеки, 356 фразеологизмов с предметным типом семантики (59% от общего количества предметных ФЕ) в творчестве поэтессы претерпели разного рода семантические и структурные трансформации.

Под индивидуально-авторскими преобразованиями мы понимаем «такие трансформации ФЕ, которые приводят к несистемным изменениям в значении и форме производного знака, привнося в него различные смысловые оттенки, меняя его

экспрессивность, эмотивность и оценочность с точки зрения восприятия соответствующего контекста» [Тюменцева 2000: 289].

Наличие трансформаций языковых фразеологизмов обусловлено их функционально-семантическими свойствами и особенностями авторского употребления в речи. Функционирующая в речи ФЕ «представляет собой совокупность разного типа вариантных форм, где переплетаются общеупотребительные и индивидуально-речевые образования, но все они возникают на базе системных отношений в языке» [Диброва 1979: 64]. Трансформации фразеологизмов опираются на их системные свойства и выявляют закономерные связи между ФЕ как элементами фразеологической системы и их речевыми реализациями [Мелерович, Мокиенко 2001: 13].

Преобразование значения и формы фразеологических единиц может происходить в речи в результате взаимодействия узуального и субъективно-личностного, индивидуализированного значения фразеологизма. Границы трансформации определяются семантической структурой фразеологизма в системе языка, а также особенностями стиля и мировоззрения автора.

Обобщая концепции различных авторов применительно к творчеству Анны Ахматовой, мы выявили 4 фактора, обуславливающих различного рода трансформации фразеологических единиц при функционировании их в речи.

1. Раздельнооформленность ФЕ при семантической целостности [Третьякова 2006: 473]. Фразеологизмам свойственны «тенденция к постоянству лексического состава и тенденция к видоизменению его» [Жуков 1986: 169]. В процессе функционирования фразеологической единицы в художественной речи компоненты ФЕ «активно реализуют свои «словные» потенции, несмотря на ограничения, накладываемые устойчивостью» [Мокиенко 1989: 29]. Входя в состав ФЕ и теряя свою лексико-семантическую самостоятельность, слово «прочно сохраняет свои лексико-генетические связи, которые при малейшей возможности возвращают наше сознание к первичной номинации» [Диброва 1979: 64-65].

2. Особенности семантики фразеологических единиц: денотативное значение ФЕ слито с коннотативным, вследствие чего семантическая структура фразеологических единиц более динамична и подвижна в речи по сравнению с другими языковыми единицами и представляет собой «динамическую модель смысла» [Мелерович, Мокиенко 2001: 5]. При этом способность фразеологизмов к окказиональным преобразованиям напрямую связана с их семантикой и образностью: наиболее широко и разнообразно трансформируются ФЕ, имеющие прозрачную образную основу и мотивированное значение, напротив, затемнение образной основы фразеологизма уменьшает его способность к окказиональной трансформации.

3. Экспрессивность ФЕ. Говорящего в его индивидуальном фразеотворчестве привлекают прежде всего экспрессивные семы инвариантной ФЕ; неэкспрессивные единицы, как правило, в речи не варьируются. Актуализация оценочного значения одного из компонентов ФЕ приводит к речевому развитию значения, что усиливает выразительность речи говорящего [Халикова 1997: 17, 23].

4. Требования художественного замысла автора: «экспрессивные возможности ФЕ могут быть по-разному использованы в зависимости от образной структуры текста, от тематического задания, наконец, от конкретных художественных намерений и общих стилистических устремлений писателя» [Шмелёв 1977: 325]. Индивидуально-авторские преобразования ФЕ помогают преодолеть традиционность, «раздвинуть семантические, коннотативные рамки, проявить подчёркнутую точность мысли и яркую выразительность образа» [Третьякова 2006: 472].

Исследование способов индивидуально-авторских трансформаций ФЕ даёт возможность проникнуть в тайники фразеотворчества. Образование индивидуально-авторских ФЕ опирается на структурно-семантические модели, свойственные языку, но результат преобразований определяется речевым мастерством автора, его умением использовать средства языка в конкретной речевой ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н. Ф. Семантическая и смысловая структуры языковых единиц / Н.Ф. Алефиренко // Семасиологические аспекты значения. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 3-8.
2. Бабкин, А. М. Русская фразеология, её развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 262 с.
3. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М.: Наука, 1977. – С. 118-140.
4. Диброва, Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е.И. Диброва. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979. – 192 с.
5. Добрыднева, Е. А. Фразеологические новообразования в современном русском литературном языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е.А. Добрыднева. – М.: 1993. – 17 с.
6. Жуков, В. П. Русская фразеология / В.П. Жуков. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
7. Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М. Введение / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. Фразеологизмы в русской речи : Словарь. – М.: Русские словари: Астрель, 2001. – С. 3-35.
8. Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В.М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1990. – 160 с.
9. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие для вузов / В.М. Мокиенко. – М: Высшая школа, 1989. – 288 с.
10. Молотков, А. И. Фразеологические единицы русского языка и принципы их лексикографической разработки // Фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ, Астрель, 2001. – С. 5-20.
11. Третьякова, И. Ю. Лингвистические факторы окказионального преобразования фразеологизмов / И.Ю. Третьякова // Слово в словаре и дискурсе. – М.: Элпис, 2006. – С. 472-475.
12. Тюменцева, Е. В. Окказиональные актуализации фразеологических единиц в коммуникативно-прагматическом аспекте

: дисс. ... канд. филол. наук / Е.В. Тюменцева. – Волгоград, 2002. – 236 с.

13. Тюменцева, Е.В. Прагматические механизмы индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц / Е.В. Тюменцева // Лингвистические парадигмы : традиции и новации. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 289-295.

14. Халикова, Н. В. Оказиональная фразеология : дисс. ... канд. филол. наук / Н.В. Халикова. – Москва, 1997. – 191 с.

15. Шмелёв, Д. Н. Современный русский язык. Лексика : учеб. пособие / Д.Н. Шмелёв. – М.: Просвещение, 1977. – 336 с.

К ВОПРОСУ О РЕЛЯТИВНОЙ НОМИНАЦИИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Куныгина О.В.,
Челябинск

Термином *номинация*, как отмечено в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», обозначают «образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т.е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений» [4, с. 336].

В своей работе мы опираемся на следующую дефиницию понятия *слово*: «Основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка» [6, с. 464].

Следовательно, если принять во внимание факт «словности» служебных слов, то следует заметить: эти единицы тоже обладают номинативной функцией, которой «присуща наибольшая отвлечённость» [6, с. 336].

На эту особенность обращают внимание многие современные исследователи служебных слов русского языка. Так, Г.А. Шиганова, анализируя предлоги, отмечает, что эти единицы «не наполнены «вещным содержанием» и их номинативная функция проявляется в назывании, обозначении отношений между реалиями окружающего мира» [9, с.150–151].

И.А. Нагорный, исследуя частицы, выделяет у слов этой части речи «функции **языковой номинации** (выделено нами – ОК)», так как частицы «вводятся говорящим в предложение для обозначения чего-нибудь» [5, с. 16].

Именно наличие особой номинативной функции (номинации отношения) и предопределяет тот факт, что эти единицы служат для выражения определённого значения.

Подобную идею о специфике значения служебных слов выдвигают Н.В. Васильева и О.С. Ахманова. Служебные слова – лексически несамостоятельные слова, служащие для выражения различных семантико-синтаксических отношений между словами, предложениями и частями предложений, а также для выражения разных оттенков субъективной модальности». Это слова, «служащие для выражения разного рода семантико-синтаксических отношений между знаменательными словами» [2, с. 433].

На наш взгляд, своеобразие значения единиц служебного класса заключается в совершенно (качественно) иных взаимоотношениях лексического и грамматического значений.

Грамматическое значение – «обобщённое, отвлечённое языковое значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций и находящее в языке своё регулярное (стандартное) выражение». К грамматическому значению относят «общие значения слов как частей речи», то есть категориальное значение.

Если исходить из постулата о том, что служебные части речи отличаются наличием особой, «не вещной» номинативной функции, то есть служащих для номинации (называния) различных

отношений, то категориальным значением всех этих единиц является значение релятивности.

Однако у каждой части речи, относящейся к служебной, есть своё собственное категориальное значение – то общее в её значении, что позволяет объединить единицы языка и противопоставить другим классам слов.

Н.Б. Усачёва, «учитывая особый характер релятивного значения» служебных единиц языка, предлагает «рабочие термины для названия их категориальных значений: пропозициональность – для предлогов; конъюнкциональность – для союзов; партикулярность – для частиц; копулятивность – для связок» [8, с. 117].

Характеризуя категориальное значение предлогов, Г.А. Шиганова отмечает «способность слов этой части речи выражать синтаксические отношения в языке и речи» [9, с. 148]. Союзы, по мнению М.А. Авериной, являются «средством выражения дифференцированного выражения смысловых отношений между компонентами синтаксических конструкций» [1, с. 109].

Облигаторным признаком категориального значения связки, как отмечает Н.Б. Усачёва, «является потенциальность смысла, который развёртывается в пропозиции, его (смысла) зависимость от субъекта, действия, от речевой ситуации» [8, с. 118].

Итак, категориальное значение слов служебных частей речи остаётся неизменным в любом контексте. Каждое слово, относящееся к той или иной служебной части речи, специфично по своему лексическому значению.

Г.А. Шиганова в своём фундаментальном труде «Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке» дифференцирует субкатегориальные и групповые значения, присущие всем предлогам, и частные (индивидуальные) значения, которые передают различные оттенки общего субкатегориального и группового значений [9, с. 150]. Проанализировав семантические свойства предлогов, Г.А. Шиганова заключает следующее: «Предлоги выражают логико-смысловые отношения между словами, то есть

обозначают не части реального мира. Отношения и связи между ними, которые усматривает квалифицирует человек думающий, говорящий» [9, с. 151].

Сложную связь значения единицы и контекста обнаруживают учёные, исследующие союзы. Союзу свойственно квалифицирующее значение: он «уже сам по себе характеризует то отношение, которое устанавливается между соединяемыми частями конструкции, а в некоторых случаях (при подчинении) – и само содержание подчиняемой части». Значение союзов как бы растворено в контексте, поэтому бывает почти невозможно вычленить значение союза из значения всего высказывания: «неслучайно в толковых словарях значение союза обычно не формулируется – скорее, подаётся характеристика его контекста» [7, с. 7].

Значение связок, как пишет Н.Б. Усачёва, «характеризуется двунаправленностью: с одной стороны, позволяет охарактеризовать возможность, желательность, необходимость и т.п. какого-либо процесса, оценить его как положительный или отрицательный, с другой – выразить отношение к процессу самого субъекта речи, обозначить его понимание и оценку ситуации» [8, с.117].

Неполнозначные слова обозначают понятия не в обычной их трактовке традиционной логикой, а понятия, отражающие положения, связи, отношения, зависимости предметов, признаков, действий, явлений и состояний, которым соответствуют в логике полнозначные слова. Поэтому неполнозначные слова употребляются в речи не отдельно, а лишь в связи с полнозначными словами, выражая положение последних в предложении и речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина М.А. Структурно-семантические свойства фразеологизмов-союзов, связывающих семантически и грамматически относительно независимые конструкции / М.А. Аверина. – М.: Компания Спутник+, 2006. – 153 с.

2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 2-е, стереотипное / О.С. Ахманова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.

3. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове): учебное пособие для вузов. 3-е изд., испр. / В.В.Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – 639 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

5. Нагорный И.А. Предикативная функция модально-персуазивных частиц: монография / И.А. Нагорный. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. – 310 с.

6. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. – 624 с.

7. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов: лингвистические данные о деятельности сознания / Е.В. Урысон. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 336 с.

8. Усачёва Н.Б. Информативность служебных единиц языка / Н.Б. Усачёва // Информационный потенциал слова и фразеологизма: сборник научных статей. – Орёл: ОГУ, 2005. – С. 115 – 119.

9. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: монография / Г.А. Шиганова. – Челябинск: ЧГПУ, 2001. – 454 с.

10. Юрин А.В. К вопросу о семантике служебных слов / А.В. Юрин. – Чарджоу: Туркменский гос. пед. ит-т им. В.И. Ленина, 1960. – 36 с.

ЛЕКСЕМЫ «ДОМ» И «ХАУС» КАК КОМПОНЕНТЫ НАИМЕНОВАНИЙ РОССИЙСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ПРЕДПРИЯТИЙ

Медведева Н.А.,
Курган

Наименований с компонентом «дом» в русской ономастической системе немало. Это прежде всего названия предприятий, учреждений, фирм. За последние годы накопился богатый практический материал, нуждающийся в серьезном осмыслении и исследовании. При этом англоязычное имя существительное «хаус» используется как в оригинальном, так и в транслитерированном виде.

По структуре наименования с данными компонентами представляют собой:

- сложные слова «Автодом», «Домотехника», «Евродом», «Теплодом», «Домострой», «ЮрХаус», «FotoHaus», «Электрохаус», «ОлеХаус», «Вотерхаус», «ИнтимХаус»,

- составные наименования - словосочетания, построенные по способу согласования, зависимыми компонентами в которых выступают имена прилагательные и местоимения: «Торговый дом», «Модный дом», «Сладкий дом», «Светлый дом», «Теплый дом», «Дом мой», «Мой уютный дом», «Наш дом», «Мой дом»,

- составные наименования - словосочетания, построенные по способу управления, в которых данный компонент является главным («Дом у дороги», «Дом книги», «Дом обуви», «Дом печати») и зависимым («Мода в доме») компонентами,

- составные наименования с компонентом «хаус» в роли главного компонента и атрибутивов, выраженных именами существительными из различных языков: «Шашлык Хаус», «Кофе Хаус», «Скай Хаус», «Пресс Хаус», «Пирог Хаус», «House Mouse»,

- многокомпонентные наименования, включающие три и более компонента: «Пицца Хаус Паста Гриль», «Эрлих Бир Хаус», «Элит Хаус Гео», «Фэшн Хаус Групп» и др.

Наибольший научный интерес представляют составные наименования предприятий и учреждений, исследование структуры и компонентного состава онимов, рассмотрение роли лексемы «дом» в процессе вторичной номинации.

Этимологически лексема «дом» восходит к старославянскому «домъ», а далее к древне-индийской основе в значении «дом, жилье» [5; с. 7].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля основное значение данной лексемы сводится только к понятию «жилье»: «строение для житья; в городе, жилое строенье; хоромы; в деревне, изба со всеми ухажаями и хозяйством» [2, с. 465].

В «Энциклопедическом словаре» 1893 г. (издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон) указывается, что «этим словом во многих случаях обозначается учреждение, цель и назначение которого определяется тем прилагательным, которое к нему присоединяется: Дом архиерейский; Дом вдовый; Дом воспитательный, инвалидный, ночлежный, рабочий, сиротский, смирительный» [6, с. 7]. Торговый дом определяется как торговое товарищество.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1935г.) отражен спектр оформировавшихся к этому периоду значений слова «дом»:

1. Жилое здание, строение. *Деревянный дом. Шестиэтажный каменный дом.* || собир. Жильцы какого-нибудь дома. *Весь дом сбежался на крик.*

2. Жилое помещение, квартира. *Вам из дому звонили.* || Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством. *В гости всем домом пошли.* || Хозяйство отдельной семьи. *Она весь дом ведет.*

3. Династия, род (истор.). *Дом Романовых.*

4. Учреждение для обслуживания культурно-бытовых нужд отдельного круга лиц, помещающееся обычно в отдельном здании : *Дом искусств. Дом книги.* || Учреждение, имеющее культурное

значение и посвященное памяти какого-н. исторического деятеля или события. *Дом Герцена*.

5. Заведение, предприятие. *Торговый дом. Банкирский дом. Игорный дом*.

6. В детских играх, основанных на преследовании (пятнашки, прятки и др.) — место, где по правилам игры нельзя преследовать [4].

«Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова приводит аналогичные значения. Указывая на значение «учреждение, заведение, обслуживающее какие-нибудь общественные нужды», автор словаря приводит вопросы «чего» и «какой», относящиеся к зависимым словам и отражающие валентные свойства лексемы «дом», а также примеры составных наименований с данным компонентом: «Дом культуры», «Детский дом», «Дом отдыха», «Торговый дом». Сочетание «Торговый дом» сопровождается комментарием - «название некоторых торговых фирм» [3].

Валентные свойства лексемы «дом» при образовании многокомпонентных наименований обусловлены семантикой данного компонента. В значении «жилое здание» лексема «дом» управляет существительными в родительном падеже и определяется притяжательными местоимениями: «Дом у дороги», «Наш дом», «Ваш дом». Качественные прилагательные и притяжательные местоимения со значением принадлежности первому лицу сочетаются со словом «дом» в значении «жилое помещение, квартира»: «Мой дом», «Свой дом», «Теплый дом». Относительные прилагательные и отвлеченные существительные в форме родительного падежа сочетаются с лексемой «дом» в значении «учреждение для реализации культурно-бытовых нужд отдельного круга лиц»: «Дом культуры», «Дом творчества юных», «Детский дом». Наиболее богатые валентные свойства данная лексема обнаруживает в значении «предприятие», так как наблюдается управление именами существительными в родительном падеже (стекла, обуви) и согласование с именами прилагательными, которые используются как в прямом значении, для номинации профиля предприятия,

(издательский, торговый), так и в переносном значении (кофейный, чайный, сладкий), в результате чего образуются метонимические наименования предприятий, несомненно привлекающие внимание потребителей товаров и услуг: «Кофейный дом», «Чайный дом», «Сладкий дом».

В различных наименованиях актуализируются те или иные семы лексемы «дом». Так, в наименованиях «Дом мой», «Мой уютный дом», «Мода в доме» лексема «дом» употребляется в значении «Жилое помещение, квартира»; в наименованиях «Дом у дороги», «Строй Дом» - в значении «жилое здание, строение». Значение «учреждение для реализации культурно-бытовых нужд отдельного круга лиц» реализуется в онимах «Дом обуви», «Дом бытовых услуг». Наименования «Торговый дом», «Модный дом», «Дом печати» содержат компонент «дом» в значении «предприятие». Подобные наименования являются традиционными для русской ономастики.

Имя существительное «house» в современном английском языке имеет спектр значений:

1. дом; здание; жилище;
2. дом; семья; хозяйство;
3. династия, род;
4. торговая фирма; publishing house издательство;
5. палата (парламента);
6. театр; аудитория; публика;
7. представление; сеанс в кино;
8. отель, гостиница; (house of entertainment); a half-way house придорожная гостиница;
9. бар; a public house трактир; barrel house пивная; винный погребок;
10. (the House) разг. (лондонская) биржа;
11. (the House) разг. рабочий дом [1, с. 361].

Наименования с компонентом «хаус» представляют собой атрибутивные сочетания с главным компонентом – именем существительным «хаус» и препозитивными определениями,

выраженными также именами существительными. В английском языке существительное может служить определением другому существительному, если стоит перед ним и употребляется не только в притяжательном, но и в общем падеже, то есть без всякого изменения своей формы.

Весьма продуктивной оказывается модель «имя существительное с вещественным значением + существительное «хаус». Определители обозначают кулинарные блюда, напитки, продукты питания, что делает наименование в целом понятным потребителям, вызывает интерес у них и привлекает внимание: «Шашлык Хаус», «Кебаб-Хаус», «Пахлава Хаус», «Пиво Хаус», «Пирог Хаус», «Пицца Хаус», «Портер Хаус», «Стейк Хаус», «Фиш Хаус», «Фрут Хаус», «Хинкали Хаус», «Хлеб Хаус», «Бир Хаус».

Многокомпонентные наименования (состоящие из трех и более компонентов) образуются на основе сочетания «торговый дом». Составное наименование «Торговый дом» может иметь валентные связи как с правосторонними компонентами - приложениями, наименованиями отдельных фирм, так и с левосторонними компонентами, определениями, например, «Зауральский торговый дом», «Половинский торговый дом», «Троицкий торговый дом». В качестве приложений выступают одиночные лексемы и словосочетания. Однокомпонентные приложения представляют собой генетические онимы следующей семантики:

- топонимы (Москва, Енисей, Зауралье, Азия, Восток); Торговый дом «Москва», Торговый дом «Восток», Торговый дом «Азия», Торговый дом «Енисей»;

- антропонимы (Виктория, Макс, Меркурий): Торговый дом «Виктория», Торговый дом «Макс», Торговый дом «Меркурий».

Большая часть приложений является существительными производными (колос, ассорти, кристалл, базальт, иней, тандем, каскад и др.) и производными, образованными сложением основ и частей основ (Автодеталь, Курганприбор, Дорстройкомплект, Энергоцентр, Мясопродукт).

Многокомпонентные приложения представляют собой:

- соединение слов или части слова с полным словом: Колос-Агро, Аква Люкс, Рус-Ойл, Курган Агро Союз:

Торговый дом «Колос-Агро»,

Торговый дом «Рус-Ойл»,

Торговый дом «Аква Люкс»;

- сочетание имени и фамилии владельца фирмы: Александр Жуков - «Торговый дом Александра Жукова»;

- сочетание относительного прилагательного пространственной семантики с именем существительным, обозначающим профиль предприятия: Уральская металлургия, Зауральское машиностроение, Курганский мясокомбинат, Шадринский пивзавод:

Торговый дом «Уральская металлургия»,

Торговый дом «Зауральское машиностроение»,

Торговый дом «Курганский мясокомбинат»;

- сочетание топонима и небуквенного графического знака: Торговый дом «Урал – 2000».

Таким образом, наименования предприятий с опорным компонентом «торговый дом» оказываются весьма структурно сложными – трехкомпонентными и более, отражающими и вид предприятия, и его профиль.

Многокомпонентные наименования с компонентом «хаус» представлены моделями, в которых лексема «хаус» выполняет функцию второго определения: «Компьютер Хаус Групп», «Сэкисуи Хаус СНГ», «Элит Хаус Гео», «Фэшн Хаус Групп». Гораздо реже используется модель с лексемой «хаус» в роли главного компонента - «Эрлих Бир Хаус».

Таким образом, значение «предприятие, заведение, учреждение», сформировавшееся у слова «дом» в русском языке, закрепилось и за лексемой «хаус», генетически восходящей к английскому эквиваленту. Обе лексемы активно используются в процессе образования составных наименований учреждений и предприятий в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракин, В.Д., Выгодская, З.С., Ильина, Н.И. Англо-русский словарь. Около 35000 слов. Изд. 8-е испр. и доп.– М.: «Сов. Энциклопедия», 1970.
2. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 – 4. – М.: Русский язык, 1078. – Т. 1. А – З, 1978, 699 с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. / С.И. Ожегов. Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.; ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Изд-во «Мир и образование», 2003. – 896 с.
4. Толковый словарь русского языка. / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков. / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х т. – Т. 1. – М.: «Советская энциклопедия», 1935.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. – Т. 1 (А – Д). – М.: Изд-во «Прогресс», 1964. – 562 с.
6. Энциклопедический словарь. / Под. ред. К.К. Арсеньева. В 82-х т. – Т. 11. – с. 7. / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. – С.-Петербург, 1893.

СТИЛИСТИКА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Плаксина В.А.,
Краснодар

Имена собственные в произведениях художественной литературы часто играют специфическую роль, помогая авторам наиболее эффективно изобразить действительность в свете их идейно-эстетических позиций. В любом художественном произведении литературный персонаж утверждается в сознании читателя своим внешним видом, чертами характера, поступками, мыслями, своеобразной речью. Если тот или иной характер удался писателю, то в представлении читателей все его черты будут связаны с одним словом – его именем. Каждое новое имя, если оно появляется на

страницах произведения, созданного рукой подлинного художника, и если это произведение читает тот, кто владеет искусством читать, привлекает внимание, настораживает, вызывает определенные ассоциации, создает определенный настрой [2].

Имена собственные, входящие в структуру художественного произведения, органически связаны с его содержанием. Изучение имен в художественном произведении, то есть литературной ономастике, вытекает, в первую очередь, из потребности более глубокого понимания художественного произведения.

Приведем классификацию имен литературных героев по их стилистической функции в произведении, разработанную Л.М. Щетининым:

1. Нейтральные имена, присвоение которых наиболее типично для главных героев английской литературы. Наиболее характерный тип – местные имена, образованные из прозвищ: Forsythe, Dombey, Copperfield.

2. Описательные (характеризующие) имена, содержащие прямую или косвенную характеристику их носителей: Sir Deadlock, Mr. Krook.

3. Пародийные имена, среди которых автор выделяет так называемые имена-стереотипы, стилистическая функция которых – выражение массовости, стереотипности обозначаемых лиц. Ч. Диккенс широко использовал эти имена: Boodle, Doodle, Duffy, Guffy.

4. Ассоциативные имена, которые своей зрительной и звуковой формой вызывают у читателей ассоциации, уточняющие и углубляющие характеристику персонажей: Miss Flite, Mr. Toots, Mrs. Pirchin [3: 129].

Интересен и многообразен анализ имен литературных персонажей в свете исторической динамики, проведенный К.Б. Зайцевой [1]. Так, герои произведений У. Шекспира, принадлежащие к придворной знати, носят имена King John, Richard II, King Lear, Macbeth и др. Экзотические имена носят герои комедий У. Шекспира, действие которых происходит за пределами Англии:

Sebastian, Antonio; простые люди часто имеют этимологические английские имена: Dogberry, Mistress Overdone

В эпоху классицизма авторы зачастую заимствовали или создавали литературные имена на базе классических языков, латинского и греческого: Clarissa, Leonidas. Возвышенные герои требовали и «возвышенных» имен: Fidelia, Amanda, Olivia. Классические собственные имена часто заимствовались вместе с персонажами из греческой, римской и библейской мифологии: Adam, Gabriel, Faun (герои произведений Марвелла, Мильтона, Драйдена). Оды изобиловали сравнениями, эпитетами и именами древних богов и героев: Venus, Jove, Chloris и др.

Для комедии очень характерны этимологические имена, релевантные качествам персонажа: Mistress Flippant «легкомысленная»; Sir Fopling Flutter от fop «щеголь» и «порхание»; John Brute and Lady Brute «животные» и «скотский»; Mr. and Mrs. Honeymoon «медовый месяц» (молодожены); Miss Tattle «болтовня».

Авторы сентиментальных романов наделяют своих героев мелодичными, звучными личными именами, иногда базирующимися на греческих и латинских элементах: Pamela, Clarissa, Tristan. Характеризующие этимологические имена даются только отрицательным героям - Lovelace.

Романтизм отмечается двумя прямо противоположными тенденциями: в одних произведениях мы встречаем реальные имена (Lemuel Gulliver герой Дж. Свифта, Robinson Crusoe, Moll Flanders, Captain Bob Singleton у Д. Дефо и др.), другие отличаются экзотической антропонимией (Rowena, Athelstane, Guy Mannering – романтические собственные имена героев особенно многочисленны у В. Скотта).

Дж. Байрон использует для своих персонажей германские имена Conrad, Manfred, Childe Harold.

Ономастика представителей «готического романа» (А. Рэдклиф, Х. Уолпол) далека от ономастики англичан их времени: в этих романах герой зовется либо англо-библейским именем (Джон,

Джонас, Джонатан), либо романтическим (Руперт, Макс, Рудольф) [1: 130].

На первый план у писателей-реалистов выходит документализм собственных имен. Исследователь собственных имен Ч. Диккенса Дж. Роу отмечал, что почти все имена и фамилии персонажей произведений этого автора взяты из жизни: Twist, Unwin, Bates, Fagin, Sikes, Boulter. Иногда Ч. Диккенс пользовался именем-протонимом, заменяя всего одну букву в реальном имени (Edwin Drood от Edwin Trood, Toots от Teets и др.). Писатель был великолепным мастером обыгрывания имен в контексте. Имя собственное и образ сливаются у него в одно целое: Sir Morbury Deadlock (несет в себе намек на mort фр. «смерть», bury «хоронить» и deadlock «тупик»), Lady Coldveal «леди Холодная телятина», Sir Mulberry Hawk «сэр Шелковица-Ястреб», Mrs. Murdstone навевает мысли об убийстве и твердости камня (stone).

Непревзойденным мастером имен и фамилий остается У. Теккерей. У него существует много примеров прозрачных имен, этимологизирующихся без контекста и релевантных качеств персонажей (это так называемые «говорящие имена»): сладкоречивые Archbishop of Mealy potatoes и Charles Honeymen, миссионер Silas Nornblower; либо этимологизирующихся из контекста: пастор Felix Rabbits от лат. felix «счастливый» и rabbit «кролик» (у пастора было 14 дочерей!), Rebecca Sharp, Squire Balance и др.

В блистательной, беспощадной «Ярмарке тщеславия» У. Теккерей хитроумная Бекки недаром носит фамилию Sharp (sharp – ловкий, хитрый, продувной, проныра и т.п.).

Вышеприведенный историко-динамический анализ имен собственных в художественной литературе показывает, что антропонимы не только дают характеристику персонажам, но и отражают тенденции литературного течения данного исторического отрезка.

В художественной литературе используются различные стилистические приемы и средства для достижения эстетического,

необходимого автору эффекта. Так, С. Ликок, известный канадский писатель-юморист, создавая имена своих литературных героев, для достижения комического эффекта прибегнул к эпитету – Isolde the Slender «стройная», Agatha the Angular «угловатая»; метонимии – Captain Bilge (по части корабля) bilge «трюм, днище судна»; Lady Violet Longshanks (по части тела) от shanks «голень»; игре слов – Mr. Nut – обыгрываются два значения: 1) орех, 2) дурак; фразеологизмам – Rasehellfrida от «поднимать шум, скандалить» [1: 131].

В английской стилистической антропонимии широкое применение находит фонетический стилистический прием – аллитерация, что придает именам большую экспрессивность, делает их легко запоминающимися, вызывает требуемые ассоциации: Simple Simon, Hector Protector, Gregory Gregs (детский фольклор), Dingley Dell, Nicholas Nickleby (Ч. Диккенс), Rollo the Rumbottle, Madeline Meadowlark (С. Ликок).

На основании вышеприведенных примеров можно заключить, что основное назначение имен собственных (антропонимов) в художественном произведении – качественная характеристика персонажей. В данную группу входят говорящие, значащие, этимологические, характеризующие имена, использованные представителями классицизма, в просветительской реалистической литературе с сатирической нагрузкой.

Итак, проблема имен собственных в тексте художественного произведения, представляется значимой и актуальной в современной лингвистике, о чем свидетельствуют многочисленные работы, касающиеся исследования стилистических функций онимов, их ассоциативных связей, соотнесенных с реализацией конкретного образа, авторской позиции, замысла произведения. Подобно другим средствам языка, собственные имена, будучи использованными в контексте художественного произведения, начинают жить и восприниматься в сложной образной перспективе. Имена собственные представляют собой разновидность реалий и существенно дополняют информацию о персонаже, которая

содержится в описании не только его внешности, поведения, черт характера, но и его происхождения, социального положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцева, К.Б. Английская антропонимия и ее стилистическое использование. - Одесса, 1979.

2. Хазагеров, Т.Г. Экспрессивная стилистика и методика анализа художественных текстов // Проблемы экспрессивной стилистики. - Ростов н/Д., 1992. Вып. 2.

3. Щетинин, Л.М. Слова, имена, вещи. - Ростов н/Д, 1966.

ДУХОВНОЕ И ТЕЛЕСНОЕ НАЧАЛА ФЕМИНИННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ИНТЕРИОРИЗОВАННОМ ДИСКУРСЕ

Прима А.М.,

Краснодар

Исследования последних лет показали, что гендер – это сложный социокультурный конструкт, который активно изучается в социологии, психологии, истории, антропологии, философии, культурологии, лингвистике. Этот термин обозначает социальный пол, т.е. различия между мужчинами и женщинами, обусловленные социальными и культурными факторами. В гендерную систему входят гендерные стереотипы – принятые в обществе представления о маскулинности и фемининности. Гендерные стереотипы «1) нормативны; 2) носят эмоционально-оценочный характер (с этим связана бинарная логика восприятия мужских и женских качеств); 3) устойчивы и стабильны» [3]. В их основе лежит оппозиция «маскулинность» – «фемининность», которая определяет социальные модели женщин и мужчин.

Интерииоризованный дискурс представляет собой модель внутренней речи героя художественного произведения, создаваемую автором данного произведения. В понятие интерииоризованного дискурса, как правило, включают внутренние мысли и переживания

героя, представленные автором художественного произведения. В современной науке интериоризованный дискурс понимается как «отражение автором художественного произведения мыслей и чувств персонажа, направленных на него самого, не предназначенных для других» [1. С. 5].

Особое значение в свете анализа интериоризованного дискурса с точки зрения гендера приобретает соединение телесного и духовного начал в женских персонажах.

Главная героиня романа О. Роя «Амальгама счастья» Даша, уставшая жить в лживом мире реальности, пыталась вспомнить молодого человека, которого она видела во сне и полюбила. Листая альбом со старыми фотографиями, она увидела этого человека, оказавшегося ее дальним родственником. Эмоции нахлынули на нее: «острое, жаркое воспоминание наконец коснулось Дашиного сознания и медленно распустилось там как цветок, поочередно раскрывая нежные лепестки ... Воспоминания нахлынули на нее, захлестнули с головой, и длинная лента памяти с устрашающей скоростью развернула перед ней свои гигантские кольца».

О. Рой прибегает к метафоричному изображению памяти как змеи («длинная лента», «гигантские кольца», «с устрашающей скоростью») и цветка («раскрывая нежные лепестки»). Отметим, что ключевыми качествами воспоминания являются «острое» и «жаркое», несущие отпечаток физических характеристик, что перекликается с фундаментальной идеей телесного начала, воспринимаемого женщинами. Например, в «Словаре гендерных терминов» можно найти следующие слова Аристотеля: «Женское и мужское начала принципиально различны по своему предназначению: если первое отождествляется с телесным, с материей, то второе – с духовным, с формой» [4].

Интериоризованный дискурс может быть присущ человеку в измененном состоянии сознания. В романе «Амальгама счастья» главная героиня впадает в измененное состояние сознания, смотрясь в

старое бабушкино зеркало, где освобождается от тревог реальной жизни.

Характерно, что, готовясь к общению с потусторонним миром, Даша переодевается («она медленно скинула то, что еще оставалось на ней после этой ночи, закуталась в старенький теплый халатик»). Прослеживается взаимосвязь с некими ритуалами, которые традиционно свойственны женскому архетипу.

При этом действия, связанные с телесным началом (например, переодевание), главная героиня выполняет «медленно», что придает им больший смысл, а имеющие отношение к духовному началу действия выполняются ею «нетерпеливо» («Кажется, ей нужно было позвонить? Даша нетерпеливо наморщила лоб, но никакое воспоминание, никакая мысль не зацепили ее сознания»).

Отметим, что тактильные ожидания героини не оправдались: «Даша медленно подошла к бабушкиному трюмо и положила руки на канделябры, словно приникая к старому, надежному другу. Упала разгоряченным лбом на стекло, надеясь ощутить его успокаивающую прохладу. Но зеркало снова оказалось теплым, пальцы ее скользнули в туманную пропасть, голова закружилась, и, облегченно вздохнув, Даша шагнула в сонную, темную глубину». Двойственность женской души выражена в том, что, с одной стороны, Даша жаждала измененного состояния сознания, но при этом ожидала прохладного зеркала, тогда как, с другой стороны, должна была помнить, что при таких переходах зеркало обладает неестественной теплотой. Таким образом, чувства возобладают над разумом, телесное над ментальным. Героиня шагает в темноту, что является архетипичным восприятием женского естества, восходящим к античности.

Главная героиня, испытывая новые ощущения в новой реальности, ведет внутренний монолог, при этом телесное и духовное начала тесно переплетены. Лексемы «приникая», «ощутить», «ощутила» актуализируют материальную составляющую измененного сознания, через которую главная героиня обретает духовное спокойствие («прояснял мысли», «не сожалея», «не тоскуя»). Характерно, что,

начав с соленых брызг, освежавших лицо, Даша приходит к бризу, дувшему «прямо в сердце» и прояснявшему «усталые мысли». Здесь мы вновь находим подтверждение тому факту, что через телесное женский персонаж приходит к духовному.

Традиционно считается, что философский взгляд на гендерную дифференциацию формы и материи выражается в противопоставлении порядка и хаоса. Так, Н.А. Бердяев, говоря о мужском и женском началах, отмечает: «мужское начало есть начало оформления, внесения смысла, ... мужественный дух оформляет, дисциплинирует, организует, ... оно есть начало порядка» [Цит. по 4]. Беспорядок и хаос рассматриваются как проявления женского начала: «Дух женственно-пассивный погружает в бесформенный, недисциплинированный, неорганизованный хаос» [4].

На то, что Дашина душа жаждет порядка, указывают риторические вопросы («Неужели ...произошли перемены? Неужели ничего надежного не осталось в ее мире?»), тем самым разрушается стереотип неорганизованного хаоса женского мировосприятия.

Старое бабушкино трюмо дает возможность главной героине «видеть» собеседника в своем отражении в зеркале и общаться с ним, возможность отгородиться от неприятностей и проблем реального мира: «она села у зеркала и посмотрела на свое отражение так, будто старое бабушкино трюмо теперь должно было давать ответы на все ее вопросы». Укажем, что как биологический пол обеих владелиц трюмо (как самой Даши, так и ее бабушки), так и атрибуты (зеркало, канделябры) позволяют провести корреляцию с архетипично женскими занятиями, связанными с потусторонним миром: ведьмовством, колдовством.

Зеркало является символом перехода от мира материального к нематериальному. Смотрясь в него, Даша общается с умершими родственниками. Впоследствии символическую функцию выполняет река, разделяющая мир живых от мира мертвых. Находясь в состоянии измененного сознания, Даша все больше («потом все свободнее и свободнее – туда, вдаль, за серебристой лунной

дорожкой, за неведомым счастьем, за дальней мечтой») отстраняется от реальной жизни и в конце романа, истощенная психическим расстройством, навсегда отходит в мир мертвых, погрузившись в иллюзию, в погоню за нематериальным счастьем. Абстрактность конечной цели подчеркнута использованием параллельных конструкций: «свободнее и свободнее», а также усиленной анафорой конструкции «за серебристой лунной дорожкой, за неведомым счастьем, за дальней мечтой».

Ю.В. Погребняк отмечает использование интериоризованного дискурса персонажа в его же интериоризованном дискурсе, при этом чаще всего это те случаи, когда персонаж думает во сне. Так осуществляется «внутреннее конструирование образом субъекта своей речи, обращенной к образу объекта, но не нашедшей звукового выражения в рамках произведения» [1. С. 296].

«Девушка молча, сердцем торопливо говорила... Но ты говорил об улыбке, улыбке сердца, и я расскажу тебе то, что почувствовала при твоих словах». В приведенном фрагменте девушка, впавшая в забытие, мысленно видит свой образ, который общается с любимым ею человеком, находящимся в состоянии комы в другой стране. Двойная интериоризация заключается, во-первых, в том, что девушка в состоянии забытия видит свой образ вне реальной жизни, а во-вторых, она в своем сне не произносит слова, а «молча, сердцем торопливо говорила». В данном отрывке женское сердце может как улыбаться, так и говорить, что подчеркивает интуитивную в противовес телесной природу фемининного персонажа.

Таким образом, подводя итог, укажем, что в интериоризованном дискурсе можно проследить двойственную природу фемининности на основе баланса духовного и телесного начал в характере главной героини.

ЛИТЕРАТУРА

1. Погребняк Ю.В. Характеристики интериоризованного дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2012. – 357 с.

2. Рой О. Амальгама счастья. – М.: Эксмо, 2009. – 320 с.
3. Рябова, Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Центр гендерных исследований, Алматы, Казахстан. 2004–2007. – Режим доступа: http://www.genderstudies.info/social/s26_1.Php
4. Словарь гендерных терминов. / Под ред. А.А. Денисовой. – М.: Информация 21 век, 2002. – 78 с.

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИНОНИМИЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ- АНТРОПОНОМИНАНТОВ

Ратушная Е.Р.,
Курган

Фразеологизмы-антропономинанты способны вступать в синонимические отношения, образуя синонимические пары и ряды. Под фразеологизмами-антропономинантами мы понимаем фразеологические единицы, имеющие категориальное значение предметности и называющие человека по различным свойствам. Такие фразеологизмы обладают максимальной степенью антропоцентричности, так как они прямо направлены на человека во всем многообразии его проявлений и свойств (2, с. 3).

Синонимичные фразеологизмы-антропономинанты обозначают одно понятие, имеют категориальное значение одушевленности и лица, принадлежат к одной семантической группе, но отличаются друг от друга семантическими или стилистическими оттенками.

В данной статье мы рассмотрим синонимию фразеологизмов, номинирующих лицо по социальному положению, по степени влияния в социуме.

Синонимический ряд образуют единицы с общим значением «человек, занимающий невысокое положение в обществе, в жизни, не обладающий властью, влиянием; тот, с которым не считаются»:

мелкая сошка, невелика птица, птица невысокого полета, последняя спица в колеснице, обсевок в поле, шишка на ровном месте и другие.

Данные фразеологизмы являются семантико-стилистическими. В их семантической структуре выявляются дифференциальные семы, передающие различные семантические оттенки. В структуре коннотативного макрокомпонента присутствуют эмоционально-экспрессивные семы, которые выражают отношение субъекта речи к характеризуемому лицу. Стилистическая принадлежность анализируемых синонимов также разнородна. Названные семантико-стилистические особенности обуславливают специфику употребления данных единиц в речи.

Фразеологизм *мелкая сошка* передает презрительно-пренебрежительное отношение к человеку, стоящему на низкой ступени социальной иерархии:

- Водится он с купцами первостатейными, с людьми чиновными, к самому губернатору вхож – в версту ль ему *мелкую сошку* к себе приближать. (Мельников-Печерский. В лесах).

Происхождение фразеологизма *мелкая сошка* трактуется по-разному. Согласно одной из версий, семантика данного фразеологизма сформировалась на основе переноса наименования с орудия труда на человека, для которого оно является неотъемлемой частью быта и деятельности. Также возможно, что фразеологизм формируется на основе древнейшего метонимического отождествления, которое заключается в переносе отличительного признака с целого на часть: *мелкая сошка* – человек, принадлежащий к мелкой сохе, т.е. к маленькой общине, включающей малоимущих людей. (1, с. 380).

По другой версии, семантическая структура данного фразеологизма сформировалась на основе иного значения лексемы «соха» - «единица подати», из предшествовавшего ему более узкого «мера земельная» (как податная единица). Размеры сохи зависели от местности и качества земли и от того, кому принадлежала земля. Чем беднее был человек, тем к меньшей сохе он относился. Возможно

также, что в основе фразеологизма лежит название небольшой палки с развилкой; такие палки играли второстепенную роль в крестьянских постройках (З, с. 545).

Коннотативные семы, входящие в семантическую структуру данного фразеологизма, формируются под влиянием как субстантивного, так и атрибутивного компонента: атрибутивный компонент *мелкая* вносит в семантическую структуру фразеологизма сему «незначительность», которая усиливается уменьшительной формой субстантивного компонента.

Отличительной особенностью фразеологизма *мелкая сошка* является наличие в его семантической структуре дифференциальной семы «род занятий, профессия», которая синтагматически выражается в расширении компонентного состава фразеологизма за счет атрибутивного компонента, конкретизирующего род занятий, профессию номинируемого лица; например:

Газетное братство распадалось на целый ряд категорий: передовики, фельетонисты, хроникеры, заведывающие отделами вообще и просто *мелкая газетная сошка*. (Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко). – Вы присутствуете при смешном событии. Остап Бендер идет по горячему следу. Учитесь! *Мелкая уголовная сошка*, вроде Паниковского, написала бы Корейко письмо: «Положите во дворе под мусорный ящик шестьсот рублей, иначе будет плохо» - и внизу пририсовала бы крест, череп и свечу. (И.Ильф, Е.Петров. 12 стульев).

В данных контекстах наблюдается сохранение негативной оценочности фразеологизма, так как род занятий характеризуемого лица вызывает у субъекта речи презрение, пренебрежение.

Фразеологизм *шишка на ровном месте* является номинацией человека, незначительного по своим достоинствам, занимающего невысокое социальное положение. При этом характеризуемый человек, с точки зрения субъекта речи, неоправданно преувеличивает свою значимость, способности, что обуславливает ироническое отношение к данному лицу:

- Знаю я ее, дуру. Помешалась на своих ответственных. А сама-то кто! Буфетчица в управлении, *шишка на ровном месте*. Насмотрится там и начинает... (В.Шукшин. Чудик).

Фразеологизм *последняя спица в колеснице* функционирует в разговорном стиле и является наименованием лица, играющего самую ничтожную, незначительную роль в обществе, в каком-либо деле:

Странное теперь установилось отношение к композиторам: режиссер и декоратор – все, а композитор – *последняя спица в колеснице*. (Ц.Кюн. Письмо Н.С.Керзиной, 5 дек. 1915).

Просторечный фразеологизм *обсевок в поле* образует антонимическую пару с помощью компонента-частицы НЕ: *не обсевок в поле* – «стоящий человек; такой, кем не пренебрегают; не хуже других», семантическая структура которого сформировалась на основе семантики лексики *обсевок* – «пропущенное при посеве место на пашне» (3, с. 413-414).

Семантическое своеобразие фразеологизма *отставной козы барабанистик* заключается в том, что он характеризует человека, не заслуживающего никакого внимания, никому не нужного, с которым не считаются; в семантической структуре данной единицы содержатся дифференциальные семы «занимавший незначительную должность» или «потерявший работу» и коннотативные семы «шутливость», «ирония»:

(Мирон): Разорвусь, а барина своего не выдам... Выведу, все на свежую воду выведу. Да вот он никак подъехал... Ну там отопрут без меня: я теперь не при должности – *отставной козы барабанистик* – не мое дело. (Островский. Невольницы).

По происхождению данный фразеологизм восходит к широко распространенной в старину ярмарочной забаве водить на показ ручного медведя, которого сопровождали пляшущий мальчик, наряженный козой, и барабанистик, который бил в барабан, как бы аккомпанируя этой пляске (4, с. 33).

Таким образом, синонимический ряд фразеологизмов-антропономинантов с общим значением «человек, занимающий

низкое социальное положение, незначительный» характеризуется совмещением семантических различий между единицами с отличиями в стилистической и эмоционально-экспрессивной окрашенности, т.е. является смешанным, семантико-стилистическим. Данное явление присуще многим синонимическим парам и рядам фразеологизмов-наименований лица по различным свойствам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь русского языка/Отв.ред. В.Н.Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 784 с.

2. Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования. – Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2000. – 223 с.

3. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб: Фолио-Пресс, 2001. – 704 с.

4. Фразеологический словарь русского языка/Под ред. А.И.Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.

СПЕЦИФИКА ФРАЗЕМООБРАЗОВАНИЯ В ТЕКСТАХ СМИ

Савельева М.В., Пашина Ю.Е.,
Курган

Объектом исследования в данной работе неслучайно являются тексты средств массовой информации, или медиатексты. Язык СМИ в полной мере отражает активные лингвистические процессы в их становлении и развитии. Основная функция СМИ заключается не только в передаче информации лаконичным и понятным образом, но и в привлечении внимания адресата сообщения к данной информации, вследствие чего язык СМИ характеризуется особой экспрессивностью. В создании эффекта продуктивного воздействия на адресата авторам текстов СМИ помогают метафоры, стилистически окрашенная и оценочная лексика и различные фразеологические единицы.

Целью данной статьи является описание одного из аспектов фразеоморфоза в современных печатных текстах СМИ на материале английского языка. Определим предмет нашего исследования как процесс формирования плана содержания фразеологических единиц косвенной номинации в текстах СМИ и предпримем попытку проанализировать специфику формирования их значения посредством анализа внешней структуры. Полагаем, что наиболее интересным вопросом в исследовании специфики фразеоморфоза в англоязычных текстах СМИ является изучение и описание «летучего отряда» устойчивых словосочетаний, возникающих на периферии хорошо изученного и описанного класса фразеологизмов.

Рекуррентные конструкции – новое понятие и термин в лингвистической науке, появившийся, благодаря работам Евгении Викторовны Тереховой. Вслед за Е.В. Тереховой, под рекуррентными конструкциями понимаем «коллокации (устойчивые идиоматические словосочетания, не допускающие на первом этапе своего зарождения серийности воспроизводства), порожденные конкретным политическим или иным событием» [Терехова, 2011: 102]. Рекуррентные конструкции представляют собой «особый тип устойчивых идиоматических выражений, характеризующихся инновационностью, а также ситуативной и хронологической отнесенностью к актуальному событию» [Терехова, 2011: 3]. Рекуррентные конструкции могут существовать в речи как свободные словосочетания, они приобретают свое идиоматическое значение только в контексте, описывающем какое-то конкретное политическое событие, актуальное для современного общества.

В качестве примера Е.В.Терехова приводит словосочетание «a stump speech» в значении «выступление кандидата во время агитационной поездки». В данном словосочетании «нестандартным» является слово «stump», в переводе означающее «сруб дерева», «грубая, необработанная и неочищенная от сучьев нижняя часть дерева», «пенек». Зачастую выступления кандидатов во время

агитационных поездок являются спонтанными и проходят на наскоро изготовленных деревянных трибунах. Отсюда видим, что второе значение слова «stump» – «грубая, необработанная и неочищенная от сучьев нижняя часть дерева» - за счет метонимического переноса значения и становится ядром данной рекуррентной конструкции [Терехова, 2011: 30].

Для того чтобы словосочетание можно было считать рекуррентной конструкцией, оно должно отвечать ряду требований:

1) состоять из двух или более слов, одно из которых будет являться более идиоматичным, «ключевым».

Например, «friendly fire» (вызывать огонь на себя) – устойчивое словосочетание, состоящее из двух слов. Ключевым в данном словосочетании является слово «friendly» – «дружественный».

2) обладать способностью к воспроизведению, т.е. часто употребляться в повседневной жизни и «тиражироваться» в текстах СМИ.

Примером может послужить такие конструкции как «litany of errors» и «litany of complains» с ключевым словом «litany» в переносном значении «унылый, длинный, затянутый список» («litany» – литания, молитва с повторяющимися рефренами).

3) не быть зафиксированной в словарях.

Анализ значения рекуррентных конструкций позволяет определить три базовые структурные модели в зависимости от того, какой компонент является ключевым в процессе формирования семантики словосочетания:

1. Рекуррентная конструкция с ключевым словом, выраженным именем существительным:

Например, «a Teflon (coated) man» - непотопляемый политик, «устойчивый» к критике политик («Teflon» – запатентованное название политетрафторэтилена, открытого в 1938 году, который сейчас активно используется как антипригарное покрытие внутренней поверхности кухонной посуды; вещество характеризуется тем, что к нему ничего не прилипает). Примечательно, что словосочетание

«Teflon (coated) President» было впервые использовано по отношению к президенту США Рональду Рейгану представителем демократической партии, конгрессменом от штата Колорадо Патрисией Шредер в 1983 году, в 1995 году использовалось в работе Джеррольда М. Поста «The Political Psychology of the Ross Perot Phenomenon» как устоявшееся словосочетание («[Reagan's] followers actively ignored data that disconfirmed their idealization of him thus contributing to his image as the Teflon President»), сейчас зафиксировано в словарях с пометой «разговорное» и со значением «Рональд Рейган», например, в АБВУ Lingvo. Компонент «Teflon» активно вошел в политический лексикон: «Teflon Tony» - о бывшем премьер-министре Великобритании Тони Блэре, «Teflon Premier» - о Ральфе Кляйне, о премьер-министре провинции Альберта в Канаде, «Teflon Johnny» - о премьер-министре Австралии Джоне Говарде.

Анализируя рекуррентные конструкции данного типа можно выделить два их подтипа: 1) рекуррентные конструкции, которые обладают устойчивостью формы и сохраняют свое значение в процессе тиражирования в текстах СМИ; 2) рекуррентные конструкции, в которых неизменным, устойчивым является лишь ключевое слово, вследствие чего значение рекуррентных конструкций такого подтипа может варьироваться в зависимости от «неключевых» слов и контекста (рекуррентные конструкции с компонентом «Teflon»).

Словосочетание «taste of democracy» является рекуррентной конструкцией с ключевым словом «taste» – вкус, ощущение; характеризуется устойчивой формой, не зафиксировано в словарях, широко используется в текстах СМИ, сохраняя свое значение неизменяемым - «привкус демократии».

«That's the new hazard for Suu Kyi. As Burma inches toward its first taste of democracy after years under a merciless junta, she is running for Parliament in April.» [Newsweek, March 5, 2012]. «Libyans rush for taste of democracy» [Gulf News, May 15, 2012].

К подобным рекуррентным конструкциям относятся и такие словосочетания как «electoral cliff» (ключевое слово «cliff» - утес, обрыв) в значении «потеря голосов электората»; «to brace for gunfight» (ключевое слово «gunfight» – перестрелка) в значении «готовиться к открытому сражению»; «economic hurricane» (ключевое слово «hurricane» – ураган, стихийное бедствие) в значении «экономический кризис»; а так же «political-media axis» (ключевое слово «axis» - ось, блок, коалиция) – термин, объединяющий политику и СМИ в один институт.

Второй подтип рекуррентных конструкций представлен сразу несколькими словосочетаниями со схожими значениями и единым ключевым словом. Некоторое различие в значениях данных рекуррентных конструкций можно проследить на примере устойчивых словосочетаний с ключевым словом «parade»:

«In the parade of visiting prime ministers, next up is one who describes Churchill as his role model» [Newsweek, March 12, 2012].

В данном примере конструкцию «the parade of prime ministers» можно перевести как «серия визитов премьер министров» или «участившиеся визиты премьер министров».

«Parade of Politics Pushes Many To Sidelines» [Florida Voices, January 27, 2012].

Рекуррентная конструкция «parade of politics» использована в заголовке к статье, освещающей публичные выступления политиков Митта Ромни и Ньюта Гингрича во Флориде, США.

«Parade of corruption: Another month, another conviction in PA politics.» [Pittsburgh Post-Gazette, May 9, 2012]

Рекуррентная конструкция «parade of corruption» использована в заголовке к статье для обозначения участившихся случаев коррупции в Пенсильвании, США.

Помимо рекуррентных конструкций с ключевым словом «parade», нами были выделены две рекуррентные конструкции с ключевым словом «cancer»: «cancer of democracy», используемая для обозначения актуальных проблем современного демократического

общества, и «cancer of torture», обозначающая актуальную проблему превышения власти и служебных полномочий, приводящих к нанесению увечий ни в чем неповинным гражданам.

2. Рекуррентная конструкция с ключевым словом, выраженным глаголом:

«To tip the election» – «определить исход выборов в чью-либо пользу». Данное словосочетание является рекуррентной конструкцией с ключевым словом «to tip» – наклонять, склонять, перевешивать: «Israel's national interests are not always in line with Washington's. And a messy war—or perceived weakness on Iran—could tip the election for the Republicans in November» [Newsweek, February 13, 2012].

«To milk the moment» – «воспользоваться моментом с целью получения какой-либо выгоды». Данное словосочетание является рекуррентной конструкцией с ключевым словом «to milk» – доить, вытягивать, извлекать: «Obama did not milk the moment of his triumph. He paid tribute to the "courage and capability" of the men who had carried out the nation's will» [Newsweek, May 16, 2011].

3. Рекуррентная конструкция, где ключевое слово – композит, т.е. слово, состоящее из частей нескольких слов. Например, композиты «Obamaworld» и «Hillaryland». В зависимости от контекста рекуррентные конструкции с данными композитами принимают разные значения: «Obamaworld is a universe of liberal professionals and young people—plus blacks from all economic segments. Hillaryland, by contrast, is a place of working-class voters, particularly working-class women, and the old» [the Economist, March 6, 2008].

В данном контексте значение «Obamaworld» противопоставляется значению «Hillaryland» для определения и разграничения тех категорий граждан, кому импонирует политика и взгляды Б. Обамы.

«It's an ObamaWorld... Obama Administration Lauds Tax Cuts in China – While Pushing Tax Hikes Here at Home» [Gateway Pundit, April 7, 2012].

В заголовке этой статьи композит «Obamaworld» использован с целью иронического описания двуличия внутренней и внешней политики, проводимой Б. Обамой и его администрацией.

Рекуррентные конструкции прецедентны и создаются спонтанно, для описания актуальных событий, происходящих в мире в данный момент. Рекуррентные конструкции выполняют номинативную и экспрессивную функцию, тиражируются в текстах СМИ особенно в сильной позиции текста (например, в заголовках статей), следовательно, используются для того, чтобы заинтересовать адресата и оказать на него должное воздействие. Исследование данного разряда языковых единиц позволяет дать ответ на вопрос о причинах возникновения, становления, развития фразеологических единиц в медиатекстах, определить факторы, способствующие их дальнейшему кодифицированию в словаре или незаметной утрате их актуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терехова, Е.В. Критерии выделения и особенности функционирования рекуррентных конструкций в английском политическом и дипломатическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 9, вып. 1 / Е.В. Терехова. – М., 2011. – с. 102-109.

2. Терехова, Е.В. Статус и функционирование рекуррентных конструкций в политическом дискурсе современного английского языка: автореф. дис... док. филол. наук: 10.02.04 / Е.В. Терехова. – М., 2011. – 55 с.

ПРОЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИКИ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В РАЗНЫХ КОНТЕКСТАХ

Семёнова И.С.,

Тюмень

Местоимение – одна из сложных, многоаспектных и противоречивых тем в курсе русского языка. Это обусловлено спецификой семантики данной группы слов, а именно: широким абстрактным значением указания на предмет, признак, количество, хотя существующая классификация ориентируется на номинативный признак.

Целью данной статьи является выявление семантики неопределенных местоимений на *-то* (*какой-то, кто-то* и под.) в разных контекстах. Обращение именно к неопределенным местоимениям обусловлено неоднородностью проявления их семантики в контексте. Материал извлекался из газет «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты» (за 2008 – 2010 гг.).

Существуют различные классификации неопределенных местоимений, направленные именно на выявление у них лексического значения [Падучева 2004; Селиверстова 1988; Ермакова 1989; Кузьмина 1989].

В своем исследовании за основу мы берем классификацию Е.В. Падучевой и считаем, что неопределенные местоимения делятся на 3 группы: *местоимения неизвестности, местоимения слабоопределенные и нереферентные экзистенциальные местоимения*. Однако семантическое наполнение группы местоимений неизвестности несколько другое, чем в монографии Е.В. Падучевой. На наш взгляд, это обусловлено различием материала исследования. Е.В. Падучева рассматривает художественные тексты и разговорную речь, мы привлекаем к анализу газетные СМИ. Таким образом, можно предположить, что неопределенные местоимения имеют специфическую семантику в зависимости от сферы употребления.

Итак, мы выделили следующие семантические группы *местоимений неизвестности* (на *-то*):

1) «Не важно, кто из числа одинаковых субъектов». К данной группе относятся местоимения *кто-то* и *что-то*, выделяющие субъект, предмет, явление из группы им подобных и в то же время отождествляющие данный предмет, субъект, явление с этой группой. Например: *Кто-то* даже пошутил из коллег: мол, не зря этот трек стал таким популярным (КП. Февраль 2009). В контексте мы видим, что кто-то из «однородной массы» коллег, неизвестный говорящему, совершает действие, и не важно, кто именно это делает.

2) «Неточность номинации» (термин Падучевой). Данную группу мы выделяем вслед за Е.В. Падучевой. С такой семантикой нам встретилось только местоимение *какой-то*. Например: *Вот лидеры «двадцатки» и выдвинули идею, озвученную Саркози, что надо какие-то регуляторы над рынком ввести* (КП. Февраль-март 2009).

Часто в таких высказываниях местоимение вообще не выражает неопределенности, а служит средством формирования фразы. Приведем примеры: *И все же какая-то загадка тут есть?* (КП. Февраль-март 2009); *Планируется, что в старшей школе будет существенное сокращение за счет самостоятельной проектной деятельности... Например, дается какое-то комплексное задание* (АиФ. Февраль 2009). Употребление местоимения *какой-то* в такого рода контекстах, на наш взгляд, избыточно, так как и без него смысл кардинально не меняется. Ср.: *и все же загадка здесь есть; слышат шум, непонятный шорох.*

3) «Неизвестность перед будущим». Данная группа представлена такими местоимениями, как *какой-то*, *кто-то*, *что-то*, *некий*. В контексте они выражают растерянность, неуверенность и в то же время слабую надежду на лучшее. Например: – *Виден ли хоть за каким-то туманным горизонтом конец кризиса, главное – для России?* (КП. Февраль-март 2009). Местоимения данной группы используются в контекстах, показывающих экономическое,

политическое, социальное состояние страны. Все обеспокоены ситуацией, связанной с кризисом. И чаще всего именно в таких контекстах используются неопределенные местоимения.

4) «Стремление скрыть конкретную информацию». В группе преобладают местоимения *кто-то, что-то, какой-то*, которые участвуют в формировании высказывания, где скрыта конкретная информация, так как читателю понятно, о чем или ком идет речь. Например: *А. Кокошин, депутат Госдумы: «Я сейчас не буду называть **какую-то** конкретную страну, которую следовало бы позвать в ОДКБ, чтоб, как говорится, не спугнуть (ОДКБ – организация Договора и коллективной безопасности, включает 7 стран СНГ)»* (АиФ. Январь 2009). Говорящий не называет страну, но слушающий вполне может догадаться, о какой стране идет речь.

В высказываниях данной подгруппы содержится намек на скрытые сведения, о которых говорить по каким-то причинам нельзя. Использование местоимений с такими целями играет роль защиты: при отсутствии прямых номинаций и оценок автор текста не несет ответственности за клевету, пропаганду экстремизма, оскорбления и пр.

5) «Скрытый вопрос». Данная группа представлена местоимением *какой-то*. Неопределенные местоимения встречаются часто в вопросах корреспондентов и предполагают положительный ответ. Например: *Говорят, в Тюмени задержали взяточника в **каком-то** учебном заведении?* (АиФ. Февраль 2009); *В **какой-то** стране используют минеральные удобрения? А где, давайте строить заводы по их производству* (АиФ. Февраль 2009).

6) «Неопределенный отрезок времени». Неопределенное местоимение *какой-то* часто употребляется при существительных *время, момент*. Например: *Еще **какое-то** время бежал за ними [собаками], чтобы отогнать на безопасное расстояние от раненой девочки* (АиФ. Октябрь 2008); *В **какой-то** момент я вдруг увидел, что свора собак целенаправленно бежит к маленькой девочке* (АиФ. Октябрь 2008).

Словосочетание «*какое-то время*» имеет значение промежутка, занимающего по длительности небольшой отрезок времени, после которого происходят определенные изменения в описываемых событиях. Словосочетание же «*какой-то момент*» имеет значение мгновенности, быстроты действия, то есть изменение в описываемой ситуации происходит молниеносно.

7) «Пренебрежение, указание на незначительность предмета». Данная группа представлена местоимениями *что-то, кто-то, какой-то*. Это значение неопределенное местоимение приобретает в контексте, в котором говорится об объектах, не заслуживающих внимания, уважения, дается отрицательная характеристика предмета. Например: *Плюс **что-то** доплачивают регионы, где проживают спортсмены, но тоже не слишком много: от 10 до 30 тысяч рублей в месяц* (КП. Февраль 2010); *Отнеслись к их творчеству-чужачеству как к **чему-то** заслуживающему внимания* (Татьяна Толстая. КП. Сентябрь 2009).

8) «Усиление выражения чувств, эмоций». Данная группа представлена местоимениями *какой-то* и *что-то*. Часто человек не может подобрать слова для определения, объяснения того или иного события, чувства. Его речь прерывиста (на письме чаще всего обозначается многоточиями внутри предложения), непоследовательна, что не в последнюю очередь создается местоимениями. В газетах такие ситуации отмечаются прежде всего в интервью. Приведем примеры: *Камилла: - О, боже! Не знаю... я мечтаю... жить в твоих брюках... или о **чем-то** в этом роде* (КП. Сентябрь 2009); *Обратно мы, казалось, не ехали, а летели, **какие-то** окрыленные были, как бы и не было за спиной 20 лет совместной жизни* (КП. Февраль 2010).

9) «Схожесть, сравнение предметов». В данной подгруппе встречаются местоимения *какой-то* и *что-то*, которые употребляются в контекстах со скрытым или явным сравнением. Например: – *Ленин! Я слышал об этом! И видел его фотографии... Есть, по-моему, **что-то** общее в форме бровей* (Леонардо Ди Каприо

о сходстве с Лениным. КП. Февраль 2010); *И надо ли удивляться – владельцы ружей при общем сочувствии объявили собакам что-то вроде священной войны* (КП. Февраль 2010); *Никогда не дели оков с кем-либо более храбрым, чем ты* (КП. Февраль 2010).

Итак, местоимения неизвестности мы разделили на 9 групп (ср.: 4 группы Е.В. Падучевой). В чистом виде неизвестность проявляется только в семантической группе «Неизвестность перед будущим». В остальных семантических группах можно наблюдать более конкретные лексические значения, что зависит от контекста и ситуации речи. Отметим, что одно и то же местоимение может относиться к нескольким группам, поэтому нашу классификацию можно расценивать как условную, требующую дальнейших размышлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова О.П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект. - М., 1989. - С. 146-158.

2. Кузьмина С.М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект. - М., 1989. - С. 158-232.

3. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. - М., 2004. – 288 с.

4. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи.- М., 1988. – 151 с.

СИНОНИМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МНОГОЗНАЧНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ОТНОШЕНИЯ С ОБЩИМ ПОНЯТИЕМ «БИТЬ КОГО-ЛИБО»

Соколова А.А.,
Тюмень

По данным нашей картотеки, один из самых больших синонимических рядов состоит из 70 единиц и объединён общим понятием «бить кого-либо». Это связано с тем, что исследуемые нами фразеологизмы чаще всего выражают негативные отношения между людьми, враждебные межличностные отношения.

Одну из подгрупп (25 единиц) составляют фразеологизмы с семей генетический объект битья, которую привносит во фразеологизм именной компонент в винительном падеже без предлога, в свободном употреблении имевший значение прямого объекта. Чаще всего это соматизмы, что говорит об антропоцентричности процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения: *открутить голову, открутить бабку, оторвать бабку, оторвать голову; попортить портретик, набить морду, нагладить харю, свернуть шею, намять шею; намять бока, нагреть бока; драть шкуру, драть две шкуры, спустить шкуру; пересчитать ребра; скрутить руки; поднять руку.*

Фразеологизмы **влепить пощечину** и **отвесить оплеуху** также имеют указание на часть тела. Компоненты, входящие во фразеологизм, вносят свои семы в его целостное значение. Именной компонент *пощечина* вносит во фразеологизм сему объекта-щеки, компонент *оплеуха* – сему объекта-уха.

Фразеологизм **отвесить оплеуху** кому-л. является многозначным и имеет два значения:

1. Межличностный. Нанести удар ладонью по щеке, по голове; пощёчину кому-либо.

Никогда не видел, чтобы он отвесил кому-нибудь оплеуху.
Е. Матвеева. Черновой вариант.

*В ответ один из студентов **отвесил** ему **оплеуху**, и тогда на помощь подростку подоспели его сообщники. www.news.liga.net. 26.11.2012.*

2. Межличностный. Нанести словесное оскорбление кому-либо, унижить кого-либо.

*<...> в результате Примаков **отвесил** Путину хорошую оплеуху. *АиФ*, № 14, 2000.*

*Турция **отвесила** политическую оплеуху лично президенту России Владимиру Путину в истории с задержанием российского самолета, летевшего из Москвы в столицу Сирии Дамаск. www.newsland.ru 12.10.2012.*

Поскольку во втором значении фразеологизм **отвесить оплеуху** кому-л. обозначает словесное воздействие, в контексте используются прилагательные (хорошую, политическую), которые конкретизируют, каким именно образом оскорбили или унизили человека.

В первом значении фразеологизм **отвесить оплеуху** кому-л. является синонимом фразеологизму **влепить пощёчину** кому-л. в значении «нанести удар ладонью по щеке»:

*Наконец, чувствуя, что вот-вот задохнется, Варя оттолкнула кавалериста и схватилась за сердце. - Ой, вот я вам сейчас как **влеплю пощёчину**, - пригрозила она слабым голосом. - Предупреждали ведь добрые люди, что вы играете нечисто. Акунин. Турецкий гамбит.*

*Бесцеремонно оттолкнув услужливого господина, - он левой рукой рванул старика за орденоносную грудь, а правой наотмашь **влепил сочную пощёчину**. Б. Васильев. Были и небыли.*

Во втором значении фразеологизм **отвесить оплеуху** кому-л. является синонимом многозначному фразеологизму **наносить / нанести оскорбление** кому-л. в первом значении:

1. Межличностный. Обидеть кого-л. словом, оскорбить.

*Теперь два: Суга **нанёс** мне тяжкое оскорбление - выставил меня глупым котёнком, который прыгает за ниточкой с бантиком. Б. Акунин. Алмазная колесница.*

*Председатель союза русских маринистов - океанистов **нанёс страшное** для любого художника - мариниста **оскорбление** видному члену секции русских озеристов, назвав его сухопу... кры... Б. Цыганков. Котиковый котик.*

Значение «словесного воздействия» у фразеологизма **нанести оскорбление** кому-л. конкретизируется прилагательными (тяжкое, страшное).

2. Лично-предметный. Сделать что-либо неприятное по отношению к чему-либо.

*Нельзя позволять, чтобы рядом безнаказанно совершалась подлость. Попустительствуя ей или умывая руки, сам становишься соучастником, **носишь оскорбление** собственной душе и Богу. Б. Акунин. Алмазная колесница.*

Рассмотрим ещё одну пару многозначных фразеологизмов: **рвать в клочья** и **рвать на части**.

Фразеологизм **рвать в клочья** имеет пять значений.

1. Лично-предметный. Отношение. Очень сильно изорвать что-либо, испортить какую-либо вещь.

*<...> полуграмотные безбожники с яркой ненавистью сбрасывали со звонницы колокола, разбивали распятия и светильники, **рвали в клочья** церковные книги. www.tyumedia.ru. 13.11.2012.*

*Девочка никогда не позволяла себя целовать или обнимать, **рвала в клочья** подаренные тётками ленты и платья. www.poletika.com.ua 7 ноября 2012*

2. Межличностный. Отношение. Бить кого-либо, учинять физическую расправу над кем-либо.

*Если ты его сейчас же не поставишь на ноги, мы тебя **разорвем в клочья!** В. Орлов. Аптекарь.*

3. Межличностный. Отношение. Побеждать кого-либо с очень сильным перевесом.

*Не исключено, что по весне ЦСКА, «Спартак», «Зенит», «Динамо», «Анжи» и «Локомотив» действительно **рвали** бы всех соперников **в клочья**... www.versia.ru. 12.11.2012.*

4. Межпредметный. Отношение. Стать главным в чём-либо, основным, центральным, незаменимым.

*Ребята стабильно выпускают треки и ремиксы, их гостевые миксы **рвут** танцполы в **ключья**!* www.ng58.ru. 6.11.2012.

5. Лично-предметный. Состояние. Нервничать, вести себя резко, эмоционально, неадекватно.

*Радужная шиллеровская риторика поджата, подсушена, страсти в **ключья** никто не **рвёт** и в голос не рыдает. Аргументы Недели. № 44, 15.11.2012.*

Фразеологизм **рвать на части** также имеет несколько значений и в некоторых из них может вступать в синонимические связи с фразеологизмом **рвать в ключья**.

1. Лично-предметный. Отношение. Очень сильно изорвать что-либо, испортить какую-либо вещь, разрушить что-либо.

*Под забойную музыку силачи **рвут на части** толстые справочники, колоды карт, гнут сковороды.* www.ugra-tv.ru. 28.11.2012.

*Будь то богиня или обычная смертная женщина, мужчины будут бороться, умирать и **рвать на части** империи из-за нее, затем будут обвинять ее во всем и часто сжигать на костре.* <http://ubr.ua>. 26.11.2012.

2. Лично-предметный. Отношение. Пытаться поделить что-либо, спорить за право обладания чем-либо.

*Работами этими занимаются специализированные организации, которых, как правило, **рвут на части**.* А. Фролов. *Строим на Севере.*

*Возможно, с будущего года бюрократов заставят затянуть пояса, но пока что они с жадностью **рвут на части** краевую казну.* <http://www.opengaz.ru>. *Открытая* газета, № 43, 07.11.2012.

*Цветущую и благополучную некогда республику **рвут на части**. Вместо того, чтобы вместе возделывать такой перспективный сад.* *АиФ. Северный Кавказ.* 30.11.2012.

3. Межличностный. Пытаться кого-либо поделить, завоевать внимание кого-либо, перетянуть кого-либо на свою сторону.

*У нас и бабушки, и дедушки, орда родственников! Ребенок еще не родился, а они уже **рвут** его на части.* МК, № 50, 1998.

*И это не считая того, что изобретатели унесли с собой. «Мы уже перевостребованы, нас буквально **рвут на части**,— признается Кузнецов.* <http://akzia.ru>.30.11.2012.

4. Межличностный. Отношение. Побеждать кого-либо с очень сильным перевесом.

*Современная мультипликация живет в условиях жёсткой конкуренции: за место под солнцем здесь готовы **рвать** противников на части.* <http://www.business-class.su>.19.11.2012.

5. Предметно-личный. Состояние. Какие-либо чувства борются внутри человека, мучают его, человек испытывает душевные метания.

*Россия идет в пропасть, и тот коррупционный монстр, который соединился с чиновниками, в кинематографе называется alien, то есть "чужой", который живет в теле России и **рвет** нас на части.* <http://spb.ria.ru>.20.11.2012.

Фразеологизмы **рвать в клочья** и **рвать на части** оказываются синонимичными в двух значениях: в значении «очень сильно изорвать что-либо, испортить какую-либо вещь» и в значении «побеждать кого-либо с очень сильным перевесом».

Процессуальные фразеологизмы с общим понятием «бить кого-л.» могут развивать второе и последующие значения и становиться многозначными. Чаще всего значение «физического воздействия» изменяется на значение «словесного морального воздействия». Фразеологизмом со значением «словесного воздействия» конкретизируется в контексте прилагательными. Многозначные процессуальные фразеологизмы разными значениями входят в разные синонимические ряды. Чаще всего синонимичными оказываются фразеологизмы, обозначающие межличностные отношения.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗКИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ

Усачева Н.Б.,

Курган

Семантика необходимости занимает центральное место в системе модальных значений и, наряду со значениями возможности и желательности, активно изучается лингвистами. На исследования необходимости совершения действия в естественных языках оказала большое влияние модальная логика, определившая необходимость как одно из алетических модальных значений, тесно связанное со структурой суждения и категорией истинности. Аристотель проводил тщательное различие между действительным, возможным и необходимым и соответственно разделял суждения на ассерторические (суждения действительности), аподиктические (суждения необходимости) и проблематические (суждения возможности). [1]

Модальное значение необходимости представляет собой рациональную оценку связи между субъектом и предикатом как обязательную, неизбежную. Такие отношения квалифицируются говорящим, который исходит из следующей посылки: необходимо то, что не может быть иначе. Современная логика так определяет содержание термина необходимость: «внутренняя объективная закономерность возникновения, существования и развития предметов и явлений материального мира». [5]

Исследователи отмечают, что модальное значение необходимости передает безальтернативное и неременное превращение потенциального в актуальное. [4,6]

Необходимость является важной частью концептуальной картины мира, поэтому в языковой системе существуют разные способы выражения значения необходимости: на лексическом уровне названная семантика передается с помощью модальных глаголов *следовать, надлежать, решить, собраться, стараться* и др. под., слов категории состояния *необходимо, надо, нужно, целесообразно и*

т.д., на синтаксическом уровне значение необходимости говорящего совершить какие-либо действия выражают сложноподчиненные предложения с причинными обстоятельственными придаточными.

Широкими возможностями в плане выражения значения необходимости совершить действие обладают фразеологические связки, которые конкретизируют внешний или внутренний характер необходимости, ее интенсивность, этапы развития: *возложить обязанность, возникает необходимость, иметь нужду, иметь потребность, найти нужным, настал час, настало время, осознать необходимость, полагать долгом, почесть за долг, счесть долгом, почувствовать потребность, признать нужным, пришла пора, считать нужным, чувствовать необходимость, чувствовать потребность* и др.

Необходимость совершения тех или иных действий может быть эксплицитной или имплицитной в зависимости от того, что является причиной поступков субъекта: в первом случае необходимость связана с законами природы или нормами поведения в обществе, зависит от обстоятельств, сложившихся независимо от воли и желания человека:

Помню, как один раз мама **нагрузила** его почётной **обязанностью** прогулять меня во дворе. *Ю. Арабов. Времена года.* Хотя при нём и был собственный паспорт запасного офицера, но он почему-то **нашёл нужным** заявить, что его бумаги находятся пока в комендантном управлении. *А. Куприн. Штабс-капитан Рыбников.* Боюсь, ваше высочество, что я всё же **буду поставлен в необходимость** потребовать немедленной уплаты. *Ю. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара.*

Особенно отчетливо эксплицитная необходимость проявляется в безличных предложениях, где специфика выражения субъекта, который на грамматическом уровне обозначается косвенными способами, вызывает редукцию связи между субъектом и действием, и, следовательно, делает более объективным содержание высказывания. Именно в безличных предложениях, специфика

которых заключается отсутствии грамматического субъекта, наиболее явно проявляется объективность, неизбежность, независимость от говорящего процесса, обозначенного инфинитивом. Своеобразие семантики безличных предложений заключается «в отвлечении действия от деятеля, признака от его носителя и связано с затушевыванием деятеля и неясностью, неопределенностью его» [2]:

Иван Фёдорович произвёл внутри отрядов разбивку на ещё более мелкие группки, которым **вменялось в обязанность** спастись каждой своим путём. *А. Фадеев. Молодая гвардия.* Полагаю, что на мне **лежит обязанность** узнанное мною закрепить, так сказать, вне себя добросовестным рассказом для пользы и соображения сотоварищам по науке... *А.И. Герцен. Доктор Крупов.* Очевидно, положение дурное, если **возникла необходимость** уже взывать к суду истории. *В. Пикуль. Честь имею.* Надо полагать, что извлеченный таким образом опыт не хранил долго при себе, а делился им с товарищами, и с неких пор у Петеньки **не было** никакой **нужды** бояться людей, сторониться их. *М. Алексеев. Ивушка неплакучая.* Олег жил в общей квартире, комната, которую он занимал один после смерти матери, была обставлена так, что брать оттуда что-либо в новую квартиру **смысла не имело**. *Н. Леонов. Выстрел в спину.*

В этом случае необходимость выступает как неизбежность, предопределенная обязательностью реализации воли другого лица (лиц), ситуативно или функционально обусловленная и вытекающая из сложившегося к моменту говорения «положения дел». [3] Причем, в тех случаях, когда выражается нежелательная для субъекта предопределенность, действие расценивается как вынужденное:

Павел Петрович забавно **жаловался на необходимость** воздержаться от пищи. *И.С. Тургенев. Отцы и дети.* Его **мучила** предстоящая **необходимость** вмешаться в эти глупые дела хозяйства, для которых мать вызвала его. *Л.Н. Толстой. Война и мир.* Прошу садиться, - сказал он, нахмурясь и продолжая бегать по комнате. Весьма сожалею, но **нахожусь принуждённым** откровенно с вами объясниться. *Ю. Тынянов. Кюхля.*

Эксплицитная необходимость наблюдается в тех случаях, когда обстоятельства, законы природы или общества оказываются принуждающей силой, которой невозможно сопротивляться. Фразеологические связки в этом случае выражают отношения, которые детерминированы объективными факторами, в частности, временной обусловленностью необходимости действия:

Старый мастер дед Иван встал и пошел к Барби с линейкой, поскольку

настало время вырезать педали для музыкального инструмента - точно по ее ноге. *Л. Петрушевская. Маленькая волшебница.* Тут **пришла пора** объясниться. М.А. Булгаков. Театральный роман. Князю казалось иногда, что Ганя, может быть, и желал с своей стороны самой полной и дружеской искренности; теперь, например, чуть только он вошел, князю тотчас же показалось, что Ганя в высшей степени убежден, что в эту самую минуту **настала пора** разбить между ними лед на всех пунктах. *Ф.М. Достоевский. Идиот.* Почувствовали себя за ужином близкими, говорили без конца, удивились, когда **настал час** расставаться... *И.С. Тургенев. Темные аллеи.*

Имплицитная необходимость реализуется в речи, когда целесообразность действия находится в соответствии с желаниями и стремлениями субъекта, осознается и принимается им. Внутренние переживания, работа сознания человека признает совершение действий обязательными, необходимыми, нужными, например:

Соколов **видел необходимость** наступать, но начальство считало, почему-то, по-другому. *Ю. Бондарев. Горячий снег.* Наступившее молчание имеет характер враждебный, кажется ему симптомом всеобщего недовольствия, и он **находит нужным** оправдаться. *А.П. Чехов. Брак по расчёту.* Он (инженер) **испытывал потребность** обласкать, осчастливить, одарить кондукторов; впрочем, не одних только кондукторов. *А.И. Куприн. Искушение.* Если же в руках у него не было палки, он **находил нужным** исследовать двор, ползая по земле. *В.Г. Короленко. Слепой мальчик.*

Для выражения значения имплицитной необходимости часто используются формы первого лица, когда говорящий мотивирует собственные поступки, связывая их с со своими принципами, убеждениями, внутренними установками:

Я не отрицаю странности нашего поединка, но я **считаю долгом** предупредить вас, что я намерен драться серьёзно. *И.С. Тургенев. Отцы и дети.* Я не знаю, Дарья Михайловна, удаётся ли мне быть в Москве; но если соберусь со средствами, **за долг почту** явиться к вам. *И.С. Тургенев. Рудин.* **Не нахожу нужным** скрывать, что она благодарила бога за то, что он спас её от Клещевина. *М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина.* Он записан здесь под фамилией Аригонел Кук, и, так как он мне сам в том признался, я **не вижу надобности** скрывать это. *А. Грин. Бегущая по волнам.*

Имплицитная необходимость в семантическом плане сближается со значением желательности, характеризует намерения и устремления говорящего, отражает его собственные потребности и потому меньшую, по сравнению с эксплицитной необходимостью, степень категоричности. Действия, выраженные инфинитивом, хоть и являются вынужденными, предопределёнными, но в то же время согласуются с внутренними ощущениями субъекта:

Петя опять отделался шуткой, и Алёнка ушла, ему действительно ни с кем не хотелось делиться Олей, его всё больше **охватывала потребность** ежедневно видеть её, разговаривать, быть рядом, ощущать её дыхание, запах волос, кожи, всё больше узнавать подробности её жизни, слушать её рассказы о прожитом дне... *П. Проскурин. Отречение.* Когда приходит день, я мучительно **ощущаю потребность** отдохнуть и засыпаю как убитый. *К. Паустовский. Собрание сочинений.* Здесь настоящий раут, - начала тонким голосом Капиталина Марковна; добродушная старая девица легко робела, но пуще всего старалась не ударить в грязь лицом, - все **считают приятным долгом** побывать здесь. *И.С. Тургенев. Дым.* Часто во время разговора я **чувствовал потребность** противоречить ему; в наказание за его гордость хотелось переспорить его, доказать

ему, что я умён, несмотря на то, что не хотел обращать на меня никакого внимания. *Л. Толстой. Отрочество.*

Низкая степень категоричности обусловлена субъективным характером возникновения необходимости, она носит частный, индивидуальный характер, связана с конкретным состоянием человека, зависит от его личных убеждений и установок, характеризует моральный или служебный долг говорящего в сложившихся условиях.

Разделение необходимости на эксплицитную и имплицитную коррелирует с аксиологической оценкой говорящим названных инфинитивами процессов, их разделение по признаку «хорошо» / «плохо». Эксплицитная необходимость часто связана с отрицательной оценкой действий, которые оцениваются как нежелательные, вынужденные. Имплицитная необходимость в большинстве случаев представляет положительно оцениваемую ситуацию, так как осуществление названных в ней действий направлено на достижение желаемого для субъекта результата.

Фразеологические связки позволяют дифференцировать разные стадии необходимости совершения действия. Очень продуктивны случаи выражения возникновения необходимости, в основном такие употребления характеризуют имплицитную разновидность:

Но именно в тот момент **возникла необходимость** вспомнить всё... *Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание.* Искра вдруг **ощутила острую потребность** обнять мать, но так и не решилась. *Л. Васильев. Завтра была война.* Илларион **почувствовал** вдруг **необходимость** подчиниться этому недоступному его пониманию приказу. *А. Ладинский. Анна Ярославна- королева Франции.* Андрей Гаврилович, рассмотрев хладнокровно запросы заседателя, **увидел необходимость** отвечать обстоятельнее. *А.С. Пушкин. Дубровский.*

Менее частотны случаи, когда фразеологическая связка обозначает продолжительный процесс, существование необходимости совершения действия в определенный момент:

Ныне **нахожусь в необходимости** прервать молчание. *А.С. Пушкин. Письмо к издателю.* Князь не привык к отказам из труппы. Я делал вид, что ничего не понимаю; он **счёл за нужное** высказывать яснее и яснее свои намерения. *А.И. Герцен. Сорокаворовка.* Многое из того, что я **нахожу необходимым** записать, без сомнения вызовет у будущего читателя моих записок удивление... *А.И. Куприн. Жидкое солнце.*

В функции фразеологических связок входит также выражение исчезновения необходимости, то есть ситуации, когда выполнение определенного действия перестает быть целесообразным:

Она повернулась и поняла, что представлять нового спутника **отпала необходимость.** *Новый мир. №17. 2002.* Это конечно, неприятное, но не сверхъестественное событие почему-то окончательно потрясло финдиректора, но в то же время и обрадовало: **отвалилась необходимость** звонить. *М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита.* И вдруг **отпала необходимость** ей что-либо объяснять. *Т. Светлова. Место смерти изменить нельзя.*

Таким образом, фразеологические связки с групповым значением необходимости являются одним из средств объективации аподиктической модальности, продуктивность их использования обусловлена способностью дифференцированно выражать как эксплицитную, так и имплицитную необходимость, характеризовать ее причинные и фазовые характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Аналитики. - М., 1952.
2. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1968.
3. Борисова Е.В. Об особенностях реализации модальных значений в односоставных дебитивных предложениях // Успехи современного естествознания. – 2005. – № 1.

4. Гапонова Ю.В. Средства выражения модальных значений возможности и необходимости в текстах печатной рекламы. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2007.

5. Кондаков Н.И. Логический словарь. М., Наука, 1971.

6. Родионова Н.А. Категория модальности в научном тексте. - Вестник СамГУ. – 2007. – № 1 (51).

ДЕРИВАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОВООБРАЗОВАНИЙ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ-СПРАВОЧНИКА «НОВОЕ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ»)

Фатеева Н.А.,
Тюмень

Словообразование – относительно новый самостоятельный раздел науки о языке. Сведения по словообразованию появились давно, но до XIX века оно не имело собственного объекта и сливалось либо с морфологией, либо с этимологией. В 60–е годы XX века наука о словообразовании, выделившись из морфологии и лексикологии, стала самостоятельной лингвистической дисциплиной, имеющей свой объект исследования, свою методику анализа и систему понятий.

Сегодня словообразование – важнейший раздел современного русского языка, связанный «как с грамматическим строем языка, так и с его словарным составом, с лексикой» [1; 155].

Словарный состав современного русского языка постоянно пополняется новыми словами. Одним из важнейших аспектов исследования слова как центральной единицы языковой системы является изучение его словообразовательной структуры, закономерностей словообразовательных процессов, происходящих в языке.

Развитие лексической системы современного русского языка характеризуется непрерывным и всё возрастающим процессом образования новых слов и их значений. Поэтому, для того чтобы

иметь представление о неологических процессах, характерных для языка, сплошному исследованию должны быть подвергнуты все существующие лексикографические труды по неологии.

В этой статье представлены результаты исследования имён существительных – самой богатой в словообразовательном отношении категории, составляющей значительную часть словаря современного русского литературного языка.

Исследование производилось на материале словаря-справочника «Новое в русской лексике» за 1978 год. Словарь является одним из первых изданий из серии выпусков «Новое в русской лексике», информирующий о лексических и фразеологических новообразованиях русской речи, зарегистрированных по текстам периодики. Выпуск содержит около 2 300 слов, кроме того, свыше 700 слов даны по разным причинам без словарной статьи, общим списком [4; 3].

Наше внимание было обращено на все имена существительные данного выпуска (исключая аббревиатуры инициального типа). Общее количество производных составило 1 183 слова.

В «Русской грамматике - 70» (далее РГ-70) отмечено, что имена существительные могут быть образованы следующими способами: суффиксацией (включая нулевую суффиксацию), префиксацией, субстантивацией, сложением, аббревиацией, а также смешанными способами: префиксально-суффиксальным и суффиксально-сложным [2; 46, §44].

Результаты исследования показали:

1) производные существительные, включённые в словарь «Новое в русской лексике», образованы всеми способами, имеющимися в арсенале деривации существительных;

2) самым продуктивным способом образования инноваций-существительных является сложение (60% всех производных);

3) в группе сложений почти в равной степени представлены сложения как с подчинительным (45%), так и с сочинительным (44%) отношением основ;

4) вторым по продуктивности способом словообразования является суффиксация (24,7% производных);

5) значительно уступают в активности двум вышеуказанным способам префиксально-суффиксальный (1,5%) и особенно субстантивация (0,25%).

Количественная характеристика способов словообразования имён существительных представлена в таблице.

Способы словообразования	Количество производных	%	Примеры
Сложение (включая сложно-суффиксальный)	720	60%	сумка-бумажник микрокарта бароотделение
Суффиксальный	293	24,7%	расходимость пергаментина аэроин
Префиксальный	90	7,6%	переаккредитация придворник
Префиксально-суффиксальный	18	1,5%	нетрадиционность соразделяемость безвнучие
Аббревиация	57	4,8%	культснаб классрук
Субстантивация	3	0,25%	невернувшийся невстретившийся многознающий

Словообразование – один из наиболее подвижных участков языковой системы. В процессе исследования были замечены новые для словообразования существительных явления.

Так, например, есть основания считать, что в практике деривации появился новый способ образования существительных. В исследованном материале было зафиксировано производное, которое

нельзя отнести ни к одному из известных способов образования существительных - **суперэкстраштампфильм**. В данном случае произошло одновременное присоединение двух приставок и сложение двух основ существительных. Способ этот можно назвать сложно-префиксальным.

Исследование велось на основе трёх классификаций способов словообразования, предложенных В.В. Виноградовым [1; 85], Е.А. Земской [3; 169-173] и Н.М. Шанским [7; 64]. Ни один из этих авторов не выделяет данного способа словообразования. Не отмечают его и авторы РГ - 70, 80 В.В. Лопатин и И.С. Улукханов.

В результате исследования можно говорить также о появлении новых словообразовательных типов:

1) П + -в(а) – со значением собирательности (**мальва**□).

В РГ - 70, 80 в качестве мотивирующей основы в представленной модели зафиксировано существительное: *лист – листа, брат – братва, татары – татарва* [5; 207, §48]. В данном материале в качестве мотивирующей выступает основа прилагательного:

малый (маленький) → мальва□.

I. Со значением отвлечённого действия:

- 1) о- + С + -иваниј(э): **омужланивание, озамочивание** (2)
- 2) де- + С + -изациј(а): **детранизация** (1)
- 3) ре- + С + -изациј(а): **реидеологизация** (1)
- 4) со- + П + -ость: **соразделяемость** (1)

II. Со значением отвлечённого признака:

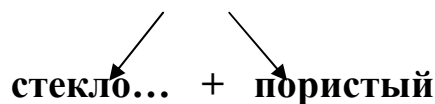
- 1) о- + П + -ениј(э): **осиненье** (1)
- 2) не- + П + -ость: **нетрадиционность, несломленность** (2)

Как видим, все из вышеуказанных словообразовательных типов относятся к префиксально-суффиксальному способу. В РГ-80 широко представлены указанные словообразовательные значения, но словообразовательных моделей, выражающих эти значения, не зафиксировано [5; 231-236]. В рамках исследованного материала данные словообразовательные типы непродуктивны (1-2

образования), но их возникновение может способствовать появлению новых слов в языке.

РГ-80 в пределах суффиксально-сложного способа отмечает типы с опорной основой существительного и суффиксами *-ник*, *-к(а)*, *-иј-*, *-ец*, *-ц(ы)*, *-ан* *-ин/-чан* *-ин*, с Ø [5; 249-250, 252]. Здесь же был выявлен тип с суффиксом *-ость*, представленный морфами *-ность*, *-онность*, *-енность*: **стоцветность, стозвонность, одноприродность**. Тип имеет значение «свойство, отвлечённый признак, названный мотивирующим словом и конкретизированный в первой основе сложения». Данный словообразовательный тип представлен шестью образованиями и в рамках исследуемого материала является непродуктивным, но есть основания предполагать, что в дальнейшем активность данного типа возрастет.

Среди сложных существительных с Ø авторы РГ-80 выделяют сложения с опорной основой глагола и существительного [5; с. 250-252]. В данном материале зафиксировано образование с опорной основой прилагательного: **стеклопор**

В этом случае также можно говорить о появлении нового словообразовательного типа.

Отмечены словообразовательные типы, которые можно считать новыми только с учётом чересступенчатого образования, «когда при отсутствии в словообразовательной цепочке необходимого звена происходит образование производного, минуя эту ступень» [6; 46].

Благодаря явлению чересступенчатого образования, появились такие, например, словообразовательные типы:

- 1) С + *-ость* (суффикс *-ость* выражен морфами *-ность*, *-енность*, *-онность*) со значением отвлечённого признака: **дифирамбность, фантазийность**;
- 2) С + *-ниј(э)* (суффикс *-ниј(э)* выражен морфом *-ированиј(э)* со значением отвлечённого действия: **микрокартирование**.

Таким образом, результаты исследования показали, что в практике деривации существительных появились восемнадцать новых словообразовательных типов, восемь из которых можно считать новыми лишь с учётом явления чересступенчатого образования.

Нельзя утверждать, но есть основания полагать, что появился новый способ словообразования существительных – **префиксально-сложный**. Необходимо и дальше вести наблюдения, продолжать исследования лексикографических трудов по неологии. Возможно, возникновение новых словообразовательных типов и нового способа образования существительных – явления единичные. С другой стороны, результаты дальнейшего исследования могут показать продуктивность выявленных словообразовательных типов и способа образования существительных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования. В кн.: Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – 558 с.
2. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
4. Новое в русской лексике. Словарные материалы-78 / под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1981. – 264 с.
5. Русская грамматика: В 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 789 с.
6. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т– М.: Русский язык, 1990. Т 1. - 854 с.
7. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык в 3-х ч. - М.: Просвещение, 1981. Ч. 2. – 270 с.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРОВ ЗАУРАЛЬЯ

Харлова Н.М.,
Шадринск

Современные говоры Зауралья являются результатом многовекового формирования. Под влиянием как внешних, так и внутриязыковых факторов на данном лингвистическом ландшафте сформировался совершенно особый неповторимый языковой субстрат, имеющий, в основном, черты северного наречия, но и содержащий приметы южного наречия и среднерусских говоров. С течением времени менялись взаимоотношения между говорами и литературным языком: в настоящее время влияние литературного языка является преимущественным и неоспоримым.

Говоры Зауралья, согласно общепринятой точке зрения, относятся к вторичным говорам. «Большинство переселенцев прибыло на территорию Зауралья из северных губерний – Архангельской, Вологодской, Вятской, отчасти из центральных уездов Европейской России, из Сибири и Урала» [Парилова 2006: 12].

«За говорами Урала и Зауралья закрепилось классификационное отнесение их к говорам Вологодско-Вятской группы... Но безусловно и то, что...зауральские говоры могут быть отнесены к говорам Архангело-Новгородским ... Северяне-архангельцы-новгородцы проникли на Урал (за Урал) и первыми стали его обживать, рубить жильё, строить поселения» [Тимофеев 1994: 12].

Говоры Зауралья, в частности говоры Шадринского района, начали изучать пристально и внимательно еще в 19 веке. В 1895 году Н.П. Ночвин составил «Крестьянский словарь – или практическое разъяснение слов, употребляемых крестьянами Зауральского края Пермской губернии». В 1913 году словарь был опубликован в 32 томе Записок Уральского Общества Любителей Естествознания как «Словарь говора крестьян Шадринского уезда». В 1923 году В.П. Бирюков опубликовал «Краевой словарь говора Исетского Зауралья. Шадринский и частью Екатеринбургский и Камышловский уезды

Екатеринбургской губернии» в издании Шадринского общества краеведения. В 1971 году в Шадринске был издан «Диалектный словарь личности» В.П. Тимофеева. Словарь содержит 2792 диалектных слова, записанных от одного информанта Тимофеевой Евдокии Михайловны, уроженки деревни Усольцевой Шатровского района Курганской области. В 2010 году словарь в переработанном и исправленном виде был переиздан О.В. Тимофеевой, дочерью В.П. Тимофеева, и содержал уже около 11500 слов.

Особое внимание к диалектной речи отмечаем в трудах А.Н. Зырянова, К.Н. Донских, В.П. Бирюкова. Тщательный анализ фонетических, морфологических, синтаксических, лексических особенностей говоров Урала и Зауралья содержится в работах К.И. Демидовой, В.П. Тимофеева, А.Н. Соколовой, Ф.Т. Андреевой, Н.Г. Рябкова, В.Д. Лютиковой, Н.А. Париловой, Н.М. Харловой и др. Однако целостное и систематизированное описание говоров Зауралья на сегодняшний день отсутствует. Нет диалектной карты Курганской области.

Современные говоры Зауралья значительно изменились. Сложно отыскать в речи диалектоносителей собственно лексические диалектизмы. Сохраняются некоторые морфологические явления. Фонетика продолжает ярко отражать диалектные особенности говоров. А синтаксис говоров Зауралья все более приближается к литературному.

Материалом для наблюдения стали многолетние исследования говоров Курганской области (Шадринский, Каргапольский, Катайский, Далматовский, Шатровский, Шумихинский, Целинный, Альменевский районы). Информантами являлись представители и старшего, и среднего, и младшего возраста. Богатый языковой материал систематизирован в виде словника.

Представим некоторые образцы современной диалектной речи. Представители старшего поколения вспоминают свою тяжелую жизнь:

«Худо жили. Была только картошь да капуста. Пекли олябки. Всё пережито было. Который раз урожай, который – нет. Носили дерюжки, штаны тканые были. Робила в колхозе, надо было за год 360 дней выраблывать. Я ночами дорабливала. Так вот и жили» (Семенова А.К., Шадринский район).

«У мамы нас было четверо. Дуся да Рая умерли ишо маленькие. Ись нечо было. Утре встанешь, конопки наешься и вперед. Крапиву варили. Иногда жмыху выпросим. Днями мама пахала на корове в колхозе, а домой идёт – в лесу дров наберет. Оденесь она жабрея наелась (хлеб-от с жабреем пекли), ноги-то и отнялись. Хорошо, Корнилий Яковлевич проезжал через лес, дак привез маму. А мы маленькие, смотрим за забор, не знам, где мама, ревём» (Лукьянова А.Д., Каргапольский район).

«Ись-то будешь ли чо ли? А ково ись-то? Седем с мамой, повздыхам. Ну, вздыхаленки и наелись. Нюж не горе. Мама одётся в каку лопотину, пошла за горяшками (сыроежками)» (Иванова З.И., Петуховский район).

Приведем примеры других находок: *сильница* – деревянное корытце, в которое просеивали муку; *олябушки* – лепешки из картофеля; *отутоветь* – замерзнуть; *до шелеха* – все, абсолютно все; *базонить* – громко реветь; *сполкать* – далеко съездить, сходить; *стайка* – помещение для животных; *прясло* – забор; *задилье* – дело; *садинка* – комнатное растение и др.

Рассмотрим основные синтаксические особенности современных говоров Зауралья. Они представлены, в основном, особенностями построения некоторых типов словосочетаний, способами выражения главных членов предложения в простых предложениях и особенностями употребления союзов и союзных слов в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях.

В говорах Зауралья представлены словосочетания, построенные на основе различных типов подчинительной связи: согласования, управления, примыкания: *березовы колки, в ту пору, ходит при часах, ездить по дрова, пришел поздым-поздо, спать до*

солнышка.оборот *в ту пору* представлен в некоторых случаях в виде *в та пор*. В результате выпадения интервокального йота и последующего стяжения возникли обороты: *по праву сторону, по леву руку; но по нижнему краю, по верхнему дому*. Особый интерес представляет употребление словосочетаний, построенных по типу предложного управления: *пошла по скота; по корову пошла; по ягоды, по грибы не ходили; по веники ушли; по воду надо идти*. Здесь предлог *по* сочетается с формой винительного падежа имени существительного в объектно-целевом значении (ср. в литературном языке предлог *за* с формой творительного падежа: *идти за водой, за коровой, за грибами, за ягодами*). Словосочетания *живет подле реку, посадила возле дом, шла мимо кусты* построены по типу «глагол +возле, подле, мимо +В.п. имени существительного» и имеют пространственное значение (ср. в литературном языке эти предлоги употребляются с Р.п. имени: *возле дома, мимо кустов*). В современных говорах Зауралья продолжают широко употребляться двойные предлоги: *по-за, по-под, по-над, в-за* (*юбка по-под колен, по-за озером, в-за горой, по-над лесом*). Ср. в детской речи: *в по-за том году*. При анализе словосочетаний, построенных на основе беспредложного управления, следует заметить, что следы севернорусского оборота типа «земля пахать» (инфинитив + имя существительное в форме И.п.) обнаруживаются не всегда последовательно: *картофь копать, корова доить, сено косить, гуси пасти, но: головушку негде приклонить*.

При анализе диалектных особенностей простого предложения в говорах Зауралья следует обратить внимание на способы выражения подлежащего и сказуемого и их согласование. Способы выражения сказуемого в двусоставных предложениях различны:

1. Деепричастие +(-) связка *быть*: *Сын-от уехавши, а дочь-то оставши. Баба у него уж была заболевши. Отец к нам пришедши*.
2. Полное страдательное причастие +(-) связка *быть*: *Шторки задернутые. Мозоль была натертая. Огород уж вскопатый*.

3. Краткое страдательное причастие +(-) связка *быть*: *Одеяло было стегано. Корова уж подоена. Картофель была выкопана. Сын-от взят в солдаты.*

4. Полное имя прилагательное +(-) связка *быть*: *Я не виноватая. Девка была красивая. Ложка серебряна. Огурцы были свежи.* (Последние два примера – стяженная форма имен прилагательных).

5. Предложно-падежная форма имени существительного +(-) связка *быть*: *Сын у них в бригадирах был. Сосед у нас в председателях.*

В безличных предложениях наиболее распространенным способом выражения сказуемого является краткое страдательное причастие +(-) связка *быть*: *Сколько девками было хожено! Сколь раз уж было говорено. В совет у меня уж писано. Нето-нето было загорожено.* В современных говорах Зауралья при согласовании подлежащего и сказуемого редким явлением стало употребление несогласуемых форм подлежащего в форме единственного числа и сказуемого в форме множественного числа: *Мама пришли. Брат говорили. Бригадир решили.*

Итак, в говорах наиболее употребимы простые предложения, однако анализ собранного материала убеждает и в наличии сложных конструкций: *Которы девки не замужем, дак те и пляшут. Не знам, ково ись. До войны-то хорошо жили: которы корову завели, у которых и овечки. Ты мне не сказала, а я и вошшылась (случайно села на загрязненное место). По сту рублей получили, а чо, под ногам не валяются.* Особенностью является употребление сочинительных союзов: *али, иль, да и*; подчинительных союзов, союзных слов: *ково, чо, сколь, куды, откуль, колды, ежели*: *По-за дом огород, да и кустов насажено. Земли-то не пахано сколь, ково только делать будем. Откуль он пришел, никто не знат. Сосед всегда при деньгах, когда ни попросишь.*

К числу других диалектных явлений в области синтаксиса в говорах Зауралья относится употребление вводных слов и словосочетаний, обращений, способы передачи прямой речи и др.

Например: *Вот всю зиму-зимскую и ходил в лес, не тем будь помянут. Орет во всю елину, я-де не виноватый. Савка, не стой, дуй-дери, коней пой!*

Безусловно, здесь представлен далеко не полный обзор основных синтаксических особенностей современных говоров Зауралья. Однако несомненно то, что синтаксис, испытывая большое влияние литературного языка, продолжает отражать диалектные черты, сохраняя для нас приметы народной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рябков, Н.Г. Синтаксические особенности языка памятников деловой письменности Исетского Зауралья 17–18 веков / Н.Г. Рябков // Литературный язык и народные говоры: теоретический и исторический аспекты. Сборник научных статей. – Шадринск: Шадринский пединститут, 1994. – С. 52 - 59.

2. Тимофеев, В.П. Язык родины Ломоносова на Урале / В.П. Тимофеев // Литературный язык и народные говоры: теоретический и исторический аспекты. Сборник научных статей. – Шадринск: Шадринский пединститут, 1994. – С. 3 – 13.

3.Парилова, Н.А. Процесс семантического отталкивания в русских народных говорах (на материале зауральских говоров) / Н.А. Парилова // Автореферат канд. дис. – Екатеринбург, 2006. – 23 с.

ВНУТРЕННИЕ ОМОНИМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Чепуренко А.А.,
Челябинск

Омонимические отношения относятся к типу парадигматических языковых связей, сущность которых составляет сходство единиц по одним признакам и противопоставленность по другим. Существенный вклад в разработку проблем

фразеологической омонимии вносят работы профессора из Омска Н.А. Павловой и ее учеников, которые определяют фразеологические омонимы как «языковые единицы, характеризующиеся тождеством структурной модели и компонентного состава, но имеющие несовмещающиеся значения» (2, с. 5). Омскими учеными была построена собственная типология, согласно которой фразеологические омонимы делятся на внешние (фразеологизмы, омонимичные нефразеологическим сочетаниям слов) и внутренние (фразеологизмы, имеющие в качестве омонимов фразеологические единицы); среди последних выделяются омонимичные фразеологизмы с одним категориальным значением (внутрикатегориальные), омонимичные фразеологизмы с разными категориальными значениями (межкатегориальные) и омонимичные фразеологизмы смешанного типа (1, с. 81).

Обстоятельственные фразеологизмы (под обстоятельственными нами понимаются фразеологические единицы одной из субкатегорий качественно-обстоятельного класса по классификации А.М. Чепасовой (3), обозначающие различные обстоятельства протекания действия или проявления признака – время, место, цель, причину, следствие, условие, уступку) способны вступать в отношения внутренней омонимии всех трех подтипов. При этом наиболее представленными в нашем материале оказались **межкатегориальные омонимы**: они составляют 75 % от общего количества выделенных омонимических пар и рядов (97 из 129). Чаще всего, по нашим данным, фразеологизмы субкатегории обстоятельства вступают в омонимические отношения с фразеологическими единицами призначной семантики, например: *И оттого ли, что ее Великан был в большой дружбе с графом Нулиным, или выходило это случайно, она, как вчера и третьего дня* ('позавчера'), *ехала все время рядом с Никитиным* (А. Чехов) – *А что, матушка, пироги-то свежие? – спросил Смолокуров. – Нет. Третьего дня* ('позавчерашние') (А. Печерский).

Приведем еще примеры омонимических единиц с обстоятельственной и призначной семантикой: *без надобности*¹ ('ненужный, бесполезный') – *без надобности*² ('бесцельно'), *без толку*¹ ('напрасный') – *без толку*² ('безрезультатно'), *бок о бок*¹ ('близкий, тесный, совместный') – *бок о бок*² ('близко, рядом'), *в свое время*¹ ('своевременный') – *в свое время*² ('когда-то в прошлом' или 'когда-нибудь в будущем'), *в двух шагах*¹ ('близкий, находящийся рядом') – *в двух шагах*² ('близко, рядом'), *в самый раз*¹ ('подходящий') – *в самый раз*² ('тогда, когда нужно, своевременно'), *до гроба (гробовой доски)*¹ ('вечный') – *до гроба (гробовой доски)*² ('вечно, всю жизнь, всегда'), *изо дня в день*¹ ('постоянный') – *изо дня в день*² ('ежедневно, постоянно'), *любой ценой*¹ ('обязательный, непременный') – *любой ценой(-ою)*² ('обязательно, непременно'), *на всякий случай*¹ ('запасной') – *на всякий случай*² ('в предвидении необходимости').

Фразеологизмы субкатегории обстоятельства вступают в отношения межкатегориальной омонимии также с количественными фразеологическими единицами: – *Я служу в юстиции со времен царя Гороха и во все времена своей службы не имел еще ни разу* ('никогда') *честного и трезвого писаря* (А. Чехов) – *Нина в окно не посмотрела ни разу* ('нисколько'), *она была чем-то занята* (Ю. Тынянов); с предлогами: *Есть и такие, которые «молчат». Ну, да мне все равно, я совершенно спокоен на этот счет и знаю, что в случае* ('при сложившихся обстоятельствах') *сказать* (М. Нестеров) – *Воронежский губернатор Куровский сказал мне, что в случае* (чего?) *падежа какой-либо лошади нужно составлять акт* (А. Чехов); с союзами: *Базаров говорил все это с таким видом, как будто в то же время* ('одновременно') *думал про себя: «верь мне или не верь, это мне все едино!»* (И. Тургенев) – *Падает реальная заработная плата. В то же время* (соединяет предложения в сложное синтаксическое целое) *прибыли корпораций за последний год выросли на 11 %...* (КП, 04.10.1966); с частицами: – *Согласись, что рано или поздно нам все равно* ('обязательно, в любом случае') *пришлось бы расстаться, –*

сказал медик (А. Чехов) – Столы были поставлены на двух половинах вдоль стен, и **все равно** ('все-таки') всем места не хватило (Ф. Абрамов); с модальными фразеологизмами: *То были свои, были дружки, вот кого надо в первую голову* ('сначала') *разбудоражить, расшатать...* (А. Малышкин) – *Плану контрреволюции мы должны противопоставить свой большой план, а это, в первую голову* (выражает отношение первостепенности, особой важности того, о чем говорится), *правильная организация Красной Армии, без партизанины на колесах...* (А. Толстой).

Как видим, обстоятельственные фразеологизмы омонимизируются со всеми классами неизменяемых фразеологизмов, что вполне закономерно.

Внутрикатегориальная омонимия среди обстоятельственных фразеологизмов представлена в 13 % случаев (17 пар из 129). При этом наш материал позволяет говорить о двух вариантах проявления обозначенного отношения. Во-первых, это омонимия фразеологизмов субкатегории обстоятельства с единицами субкатегории качества: *в одно время*¹ ('одновременно') – *в одно время*² ('когда-то в прошлом'), *в ноги*¹ ('вниз') – *в ноги*² ('низко, униженно'), *до последнего*¹ ('предельно долго') – *до последнего*² ('стойко, самоотверженно'), *до <самой> смерти*¹ ('очень долго' или 'никогда') – *до <самой> смерти*² ('очень сильно' или 'неустанно'), *за милую душу*¹ ('с удовольствием') – *за милую душу*² ('обязательно, непременно'), *за <просто> так*¹ ('бесплатно') – *за <просто> так*² ('беспричинно, бесцельно'), *из милости*¹ ('униженно, унижаясь') – *из милости*² ('снизойдя, пожалев'), *из-под земли*¹ ('внезапно, неожиданно') – *из-под земли*² ('обязательно, непременно'), *на убой*¹ ('чтобы убить, погубить') – *на убой*² ('сытно'), *на чай*¹ ('чтобы погостить') – *на чай*² ('в качестве вознаграждения'), *от <избытка, полноты> чувств (сердца)*¹ ('восторженно') – *от <избытка, полноты> чувств (сердца)*² ('соскучившись'), *по старой памяти*¹ ('как прежде') – *по старой памяти*² ('под влиянием воспоминаний'), *под руку*¹ ('опершись на согнутую руку') – *под руку*² ('некстати, не вовремя').

Некоторые уральские политики до последнего были уверены, что градоначальников будут назначать (Соседи, 26.11.2004). Однако же слово «отступление» на совете никем ни разу не было произнесено. Тем самым как бы само собой подразумевалось, что каждый будет защищать свою позицию до конца, до последнего (С. Шуртаков).

Во-вторых, это омонимия обстоятельственных фразеологических единиц между собой: *в очистку*¹ ('чтобы оправдаться') – *в очистку*² ('после расходов, в качестве чистого дохода'), *до того*¹ ('в прошлом, до определенного момента') – *до того*² ('настолько, до определенной степени'), *ни за что*¹ ('ни при каких условиях') – *ни за что*² ('без всякой причины'), *по нужде*¹ ('потому что нужно') – *по нужде*² ('для отправления естественных потребностей').

«Кажется, ни за что не остался бы тут жить...» – подумал он и опять принялся за ноты (А. Чехов). [Парень:] Выйдем на пару минут... потолкуем? Паика отрицательно качнул головой. – Не могу. – Почему? – Накостыляете сейчас ни за что... Потом когда-нибудь потолкуем (В. Шукшин).

Омонимические ряды смешанного типа (включающие межкатегориальные и внутрикатегориальные омонимы) составляют 12 % от общего количества (15 из 129). Приведем пример одного из таких рядов: *Самый широкий спектр услуг оказывали салоны А. Антонова: фото на документы, на память* ('памятные' – призначный), *фото в интерьере, видовая съемка, также выполнялись заказы на изготовление открыток и фотоальбомов – с тиснением и золочением (Московский комсомолец, 2000, № 34); [Француз-гувернер] знал на память* ('наизусть' – качественно-обстоятельственный субкатегории качества) *Корнеля и Расина (А. Герцен); [Фамусов:] Да, разные дела на память* ('чтобы не забыть' – качественно-обстоятельственный субкатегории обстоятельства) *в книгу вносим; Забудется того гляди (А. Грибоедов).*

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова, Н.А. Фразеологическая омонимия: проблемы интерпретации [Текст] / Н.А. Павлова // Номинативная единица в семантическом, грамматическом и диахроническом аспектах: сб. науч. ст. к 80-летию А.М. Чепасовой / под ред. Г.А. Шигановой. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. – С. 76–84.
2. Словарь фразеологических омонимов современного русского языка [Текст] / сост. Т.В. Варлакова, Т.А. Кривошеева, С.С. Лаухина, Н.А. Павлова, Т.Н. Пирогова; под ред. Н.А. Павловой. – Омск: Изд-во Наследие; Диалог-Сибирь, 2003. – 290 с.
3. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов [Текст]: учеб. пособие / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. – 144 с.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «НЕТ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Шведова Н.В.,
Курган

В современном русском языке частица «нет» имеет большой семантический потенциал. Так, в «Большом толковом словаре» выделены следующие ее значения (словарная статья дается в сокращении – Н.Ш.): I. в функц. сказ. 1. *кого-чего*. Не имеется в наличии; отсутствует (противоп.: есть). || (*обычно в составе устойчивых сочет. с сущ.*). Выражает крайнюю степень исчерпанности чего-л., невозможность чего-л. || Не существует, не бывает вовсе. 2. *кому-чему*. Употр. (в лозунгах, призывах) для выражения протеста против кого-, чего-л., гневного несогласия с кем-, чем-л. II. частица. 1. Употр. как отрицательный ответ на вопрос или как выражение несогласия (может выступать в качестве предложения; противоп.: да). || Внутри речи для внесения поправки, отрицающей ранее сказанное. || Для выражения отказа или запрещения делать что-л. || Вместо сказ. с отриц., а также вместо словосоч. или целого предл.

с отриц., когда они противопоставляются предыдущему. 2. Употр. в повествовательной речи при передаче итогов размышления, приведшего к решительному отрицанию одного из предложений. 3. *Разг.* Употр. с целью привлечь внимание собеседника к высказываемой мысли. 4. Употр. для выражения удивления, сомнения, недоверия. III. *союз.* (обычно с частицами: *да, так, же*). Употр. при соединении двух предложений с уступительной связью, подчеркивает отрицание смысла первого предложения; однако ж [1, 643].

Слово «нет» имеет развернутую семантическую структуру, является многозначным и входит в компонентный состав многочисленных фразеологизмов, семантико-грамматическая отнесенность которых различна. В центре нашего внимания оказались фразеологические единицы с компонентом «нет», выступающие в функции сказуемого в безличном предложении (42 единицы), например: *нет горя, нет души, нет бога, нет силы воли, нет стыда, нет мочи, нет сомнений, нет проблем, нет (ни) гроша за душой, нет жителя, нет печали, нет слов, нет жизни, нет дела, нет нужды* и другие. Многие языковеды обращают свое внимание на подобные фразеологизмы, однако всестороннее описание таких единиц в современной лингвистике отсутствует.

В исследуемых фразеологизмах компонент «нет» является стержневым, генетически имеет безличное значение, которое и вводит в описываемые единицы, делая безличность постоянным неотъемлемым признаком подобных фразеологизмов.

Проф. В.А. Лебединская включает подобные единицы в класс процессуальных фразеологизмов, выделяет их в особую группу среди бессубъектных фразеологических единиц субкатегории состояния, имеющих структуру безличного предложения: «...слово «нет» в сочетании с существительными в родительном падеже без предлога: и звания нет, и помину нет, нет места, нет дела, слов нет, нужды нет, пропасти (погибели) нет, цены нет, нет стыда (в глазах), живого места нет, креста нет, лица нет, сухой (живой) нитки нет...» [2, 129-130]. В

то же время В.А. Лебединская отмечает, что названные фразеологизмы находятся на периферии категориального значения процессуальности, так как «характеризуются пассивностью субъекта и различными ограничениями в функционировании морфологических категорий лица, времени и наклонения» [2, 161].

На наш взгляд, такие фразеологизмы отличаются от основного фразеологического фонда русского языка синкретизмом своего значения, соединяя в своей семантической структуре признаки процессуальных фразеологизмов и фразеологизмов категории состояния. Их нельзя назвать «чисто» процессуальными, поскольку в их «начальной» форме (*нет слов, нет покоя, нет проблем*) отсутствует глагольный компонент, обязательный для процессуальных единиц: «Наблюдения над структурой, семантикой и компонентным составом фразеологизмов позволяют вывести следующую непропорциональную зависимость: каждый процессуальный фразеологизм включает глагольный компонент, но не все фразеологизмы, содержащие в своем составе глагольные компоненты, имеют процессуальную семантику» [2, 33]. Однако глагольный компонент появляется во фразеологизмах с компонентом «нет» в других его формах, например прошедшего или будущего времени изъявительного наклонения: Ей и горя не было, что сестра купила его на первый гонорар. В. Алексеев. *Прекрасная второгодница*. Но выбора не было – сам Корабельников при всем желании не смог бы осуществлять дежурство в режиме он-лайн. Г. Куликова. *Брюнетка в клетку*. В приведенных примерах фразеологизмы приобретают форму прошедшего времени изъявительного наклонения за счет замены компонента «нет» на глагольный с отрицательной частицей *не*. Такому преобразованию компонентного состава фразеологизма способствует компонент «нет», который и в свободном употреблении заменяется чаще всего на глагол *быть* в форме прошедшего или будущего времени изъявительного наклонения или условного наклонения (*нет ни облачка - не было ни облачка - не будет ни облачка – не было бы ни*

облачка). Замена компонента «нет» на глагольный с частицей **не** не приводит фразеологизм к разрушению, перед нами фразоизменительные формы, которые являются «регулярными элементами парадигматических систем, выражающих грамматические модификации одного и того же фразеологизма» [2, 60-61].

Исследуемые фразеологизмы в абсолютном большинстве употреблений (92% из 100) используются в форме настоящего времени, где отсутствует глагольный компонент, так необходимый для процессуального фразеологизма.

Например:

- Но я не остановлюсь, другого выхода нет. *А. Атеев. Мара.*

- И ночью при луне мне нет покоя, зачем потревожили меня? О боги, боги... *М. Булгаков. Мастер и Маргарита.*

Надо отметить, что эта форма наиболее естественно и органично сочетается с фразеологическим значением, в котором сильны элементы оценочности, отрицательной экспрессивности и эмоциональности. В такой форме угасает элемент процессуальности, и фразеологизмы с компонентом «нет» максимально приближаются к фразеологизмам категории состояния. Формы прошедшего (7%) и будущего времени (1%), которые возможны у описываемых фразеологизмов, имеют низкую степень коммуникативной активности.

Впрочем, в этом не было особенной нужды, потому что поезд был специальный и его не посещали сердитые контролеры с никелированными щипцами. *И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок.*

Если мы с тобой друг друга правильно поймем, то нам и нужды не будет. *А. Маринина. Имя потерпевшего - никто.*

Это позволяет говорить о сближении фразеологизмов с компонентом «нет» с фразеологическими единицами категории состояния, принадлежащими к разряду номинативных фразеологизмов, являющимися полнозначными, самодостаточными, знаменательными и имеющими категориальное значение качественного состояния, мыслимого во времени: *нет сил* - «плохо,

кто-то совсем обессилен»; *нет нужды* - 1. «неважно», 2. «не надо»; *нет выхода, нет надежды* - «кому-то очень плохо», *нет житья* - «плохо, невозможно терпеть, выносить чьи-либо обиды, притеснения, гонения», *нет живого человека* – «пусто, никого нет где-нибудь».

Ничего не хочется, ни на что нет сил. Черт с ней, с пылью, не будет он убираться. *А. Маринина. Я умер вчера.*

Все это на одной площади, заросло травой, и в будни нет тут живого человека. *Д. Фонвизин. Письма из третьего заграничного путешествия.*

- Никакого житья нет мне от парнишки! Я его до пяти раз старше, а он меня по матушке и всяко. *М. Горький. Детство.*

С морфологической точки зрения, фразеологические единицы категории состояния неизменяемы; семантика состояния в таких фразеологизмах оформляется аналитически - синтаксическими категориями склонения, времени, вида. По-другому обстоит дело с фразеологизмами с компонентом «нет»: грамматические категории склонения, времени, вида находят свое выражение в самой фразеологической единице.

Для некоторых фразеологизмов характерна трансформация структуры, сопровождающаяся исчезновением компонента «нет» (24 единицы). Это касается фразеологизмов, которые включают в свой состав более 2-х компонентов. Например, *нет ни кола ни двора* – *ни кола ни двора, нет ни стыда ни совести* - *ни стыда ни совести*.

- Авдотья, ты никак с самого обеда торчишь у люльки, ни одного снопа не связала... Брось, говорю!.. Эки, право, ни стыда в них нет, ни совести!.. *Григорович. Пахатник и бархатник.*

- Разбойник ты, разбойник! Ни стыда, ни совести в тебе. *Н. Некрасов. Осенняя скука.*

Как отмечает В.А. Лебединская, «наблюдается ярко выраженная закономерность: чем больше именных компонентов в процессуальном фразеологизме, тем менее он «жизнеспособен»» [2, 66].

Во фразообразовании исследуемых фразеологизмов активно участвует отрицательное местоимение «никакой»: *нет (никакой)*

нужды, нет (никакого) права, нет (никакого) выхода, нет (никакого) горя, нет (никакого) жителя, нет (никакого) покоя, нет (никакого) стыда и др. под. Местоимение в названных фразеологизмах является факультативным и выполняет экспрессивную функцию, усиливая отрицательную оценочность. На первый взгляд, местоименный компонент является избыточным, однако при эллипсисе компонента «нет» он становится обязательным. Например:

Друг погиб под Выборгом, / А в друзьях нет выбора. / Грустно стариться теперь / Только в обществе потерь. М. Светлов. *Грустная песенка*.

К осени, по словам министра здравоохранения Татьяны Голиковой, он начнет работать, потому что «у нас нет никакого выбора». *Комсомольская правда*. 04.02.2010г.

- Похоже, у меня никакого выбора. Ой, подожди минутку, тут что-то происходит. Г. Куликова. *Брюнетка в клетку*.

Варьирование подобного плана не нарушает тождество фразеологизма, перед нами не разные единицы, а эллиптированные формы одного фразеологизма, которые не меняют своих синтаксических свойств и синтаксической функции сказуемого в безличном предложении.

Таким образом, фразеологизмы с компонентом «нет» представляют собой особую подсистему языка, обладают своеобразным компонентным составом, грамматическими свойствами, объединяют в себе признаки разных семантико-грамматических классов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.

2. Лебединская В.А. Взаимодействие семантических и грамматических свойств процессуальных фразеологизмов: Дис... д-ра филол. наук. – Курган, 1996. – 312 с.

К ИСТОРИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНОГО ГЛАСНОГО СРЕДНЕ-НИЖНЕГО ПОДЪЁМА В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Шушарина И.А.,
Курган

При сопоставительном изучении русского и польского языков мы, безусловно, не можем оставить без внимания некоторую несхожесть их современных фонетических систем. Эту несхожесть можно обнаружить как в вокальной системе, так и в консонантной. Остановимся на звуке, который занимал неустойчивое положение в вокальной системе славян, – так называемом «яте».

Происхождение его в общеславянском языке раннего периода двояко: это мог быть звук ě_1 , возникший в результате утраты количественных различий общеиндоевропейским долгим звуком $*\text{ē}$; это мог быть звук ě_2 , возникший из нисходящего дифтонга группы $*\text{i}:$ $*\text{a}\hat{\text{i}}$ (Маслова 2004: 127-134). Звучание ě_1 и ě_2 изначально совпало в широком звуке переднего ряда средне-нижнего подъёма. Если перед ě_1 согласный приобретал позиционную полумягкость, то перед ě_2 согласный мог быть как позиционно полумягким, так и исконно мягким (дѣтъ [d'ět'ɛ] > $*\text{da}\hat{\text{i}}\text{tent}$ – цѣна [c'ěna] > $*\text{ka}\hat{\text{i}}\text{na}$).

Таблица 1

Вокальная система праславянского языка к II – V вв.н.э.

i	у	и
е, е, ъ		о, о, ъ
ä (ě)		
	а	

С одной стороны, «яте» был звуком переднего ряда, то есть палатального типа, с другой – средне-нижнего подъёма, то есть по преимуществу велярного типа. Это противоречие неминуемо должно было привести к изменениям, направленным либо к полной палатализации, либо к полной веляризации. Совместно с

новоакутовыми интонациями и утратой почти всеми славянами (за исключением поляков) ринизма это противоречие в конечном счете привело в славянских языках к модификациям старого ё, лежащим в широком диапазоне от гласного верхнего подъёма переднего ряда **і** до гласного нижнего подъёма непереднего ряда **а**. При этом преобладающим типом рефлекса является гласный среднего подъёма переднего ряда **е**, имеющий по говорам варианты по закрытости / открытости, напряжённости / ненапряженности, монофтонгности / дифтонгности. Варианты рефлексов наблюдаются не только в разных славянских языках, но и в говорах одного языка.

Изменения в области ринизма привели к первым ранним расхождениям в древнерусской и лехитской вокальных системах. Уже в текстах XI в. восточнославянского происхождения обнаруживается сначала sporadическое, а затем и последовательное смешение букв ѣ, ѡ и ѧ. Это могло происходить только в том случае, если писец слышал на месте этих литер один и тот же звук: *самарѣнѣни* – *самарѣнѣхъ* – *самарѣнъ* (Хрестоматия 1990: 12, 14), а *марта* ѣ. *сладъко ѡждь* и *пии* ѣ. *априлѡ* ѣ. *рѣпы не ѣжь* ѣ. *маиѡ* ѣ. *порѣсте не ѡждь...* (Хрестоматия 1990: 21). Исконно в нижней зоне образования находились два звука: 1) [a] – гласный непереднего ряда нижнего подъёма, возникший в результате утраты количественных различий гласными *ā и *ō. В сочетании со среднеязычным [j] он, по всей видимости, не подвергался серьёзным изменениям, позиционно сдвигаясь лишь в средне-нижнюю зону (*ѧма*, *ѧрославъ*); 2) [ä] – гласный переднего ряда средне-нижнего подъёма, возникший из *ē или *aī. В результате деназализации носового гласного переднего ряда, он приобрёл а-образную артикуляцию и сдвинулся в средне-нижнюю зону образования, совпав по звучанию с [ä]. Таким образом, в древнерусских говорах в нижней зоне образования находятся два гласных разного происхождения: [a] < *ā, *ō, [ä] < ё, е.

Вокальная система русского языка к IX – XII вв.

i	у	и
е, ъ		о, ъ
‘ä(<ě), ‘ä (<ě, е)	а (ja)	
	а	

Следы этого восточнославянского сближения мы можем обнаружить в современных русском, украинском и белорусском языках после шипящих и j:

	Русский язык	Украинский язык	Белорусский язык
На месте ja	я ма	я ма	я ма
На месте ja	нач а ть	поч а ти	пач а ць
На месте ja	крич а ть молч а ть	крич а ти мовч а ти	крыч а ць маўч а ць

Неразличение гласных нижней зоны образования отражается и на письме. В древнерусских текстах, по мнению В.В.Колесова, «в сочетаниях фонем друг с другом выработался следующий синтагматический принцип: перед [ä < е] не мог быть мягкий согласный, а перед [ä < ё] – мог, так как **ja** восходит не только к *ē, но и к дифтонгу *aī» (Колесов 1980: 81-82). Постепенно на стыке морфем произошла своеобразная морфологизация этого принципа, ставшая отличительной чертой древнерусского и далее старорусского текста: на стыке морфем происходят древнерусские замены **ja** на **ja** перед мягким согласным (например, в формах родительного падежа единственного числа, именительного-винительного падежей множественного числа древних *jā-основ, винительного падежа множественного числа древних *jō-основ) и **ja** на **ja** перед полумягким согласным (например, в суффиксе имперфекта в соответствии с новыми синтагматическими правилами на месте старого **ja** пишется **ja**, что вместе со стяжением гласных отражает и полумягкость предшествующего согласного).

Форма		Старославянский язык	Древнерусский язык
<i>Существительные</i>			
*jā- основы	Р.п. ед.ч.	ЗЕМЛѦ	землѣ
	Им. п., Вин. п., мн.ч.	РАВЪИИѦ МЛЪНИИѦ СЖДИИѦ ѢЖЕ НЕ ИМѢША <u>ЗЕМЛА</u> МЪНОГЫ (Ремнева 2004: 330) И ПЪТИЦА <u>НѢВСКЫИѦ</u> ПОЗОВОША Е (Ремнева 2004: 325)	рабынѣ мълниѣ соудиѣ ...а мы вашей <u>землѣ</u> не <u>загахомъ</u> (Хрестоматия 1990: 81) но оумыкиваху оу воды <u>дѣвцѣ</u> и радимици и вѣтици (Хрестоматия 1990: 98)
*jǫ- основы	Вин.п., мн.ч. муж.р.	КОНѦ Призови <u>дѣлателѣ</u> даждь имъ мъздѣ (Ремнева 2004: 332)	конѣ а товары ихъ раздаѣ и <u>конѣ</u> (Хрестоматия 1990: 79)
<i>Глаголы</i>			
имперфект		ВЕДѢАХЪ НЕСѢАХЪ ЖЕЛААШЕ НАСЪИТИТИ чрѣво свое отъ рожьць . ѡже <u>ѣдѣахѣ</u> свииниѣ (Ремнева 2004: 327)	ведѣахъ несѣахъ <u>ѣдѣахутъ</u> люди сосновоую кору (Хрестоматия 1990: 76)

При всем этом в памятниках древнерусской письменности смешение букв ѣ, ѣ и ѣ в корневой морфеме носит спорадический характер. Однако уже с середины XII в. в древнерусских говорах под влиянием новоакутовых интонаций наблюдается так называемая

«разгрузка» нижней зоны образования, и неустойчивый звук средне-нижнего подъема под влиянием предшествующего мягкого согласного развивает в экскурсии позиционную йотацию и смещается в среднюю, палатальную зону образования. Спорадическая мена графем **ѣ** – *e* – *и* наблюдается в памятниках древнерусской, а затем старорусской, староукраинской и старобелорусской письменности на протяжении XII – XVI веков, причем весьма неравномерно. Если в смоленских текстах последовательные замены наблюдаются уже в XIII в., в новгородских – к XIV в., то в ростово-суздальских **ѣ** последовательно употребляется еще и в XVI в. Лишь к концу XVII в. мы можем говорить о том, что в русском языке произошла окончательная утрата особого общеславянского звука и совпадение его в литературном языке со звуком [e].

Общеславянский процесс утраты ринизма в лехитских говорах не реализовался в полной мере, поэтому ни в древних латинских текстах с польскими глоссами, ни в более поздних собственно польских текстах не обнаруживается смешения носовых гласных со старым «ятем» или литерой **а** после **ј**, как это было в древнерусских текстах. Мы проанализировали написания польских глосс, отраженные в латинских текстах XI-XII веков (t. 1-64) из «Кодекса Великопольского» (Kodeks 1877). Вот, например, как передаются звуки, соответствующие звукам древнерусской нижней зоны образования, в «Гнезненской булле» (1136):

а) на месте носовых гласных: **Landa** (Łąd), **Balowans** (BiałowaŃs), **Lovanta** (Łowięta), **Boranta** (Borzęta), **Sobanta** (Sobęta), **Dambnicia** (Dębnica), **Modlenta** (Modlęta), **Dobrenta** (Dobrzęta), **Ganzawa** (GaŃawka), **Poddambia** (Dąbie), **Dambnica** (Dębsko) и т.д.;

б) на месте «ятя»: **Radotech**, **Nadey**, **Belina**, **Vsemir**, **Sulidad**, **Balovesici**, **Balossa**, **Vestina**;

в) на месте **ја**: **jaroslav**, **janec** (t. 7, 1136).

Зато «ять» в булле последовательно передается двумя способами: литерой **е** перед мягкими и заднеязычными согласными, литерой **а** – перед твердыми переднеязычными. По устоявшемуся

мнению полонистов, в первой половине XII в. лехитская перегласовка $\check{e} \rightarrow a$ перед твердыми переднеязычными **d, t, z, s, n, r, l** была уже процессом окончательно сложившимся. В «Гнезненской булле» (1136) такая перегласовка представлена в лексемах *Sulidad* (*děďъ, ср. совр. польск. dziadek), *Balowanz* (*běl-, ср. совр. польск. Białowaŝ), *Balovesici* (*běl-, ср. совр. польск. Białożewin), *Balossa* (*běl-, ср. совр. польск. Białosza), в тексте 1208 г. указано имя девушки: Cvatek (Kwiatek). Очень ценным свидетельством для датировки этого процесса являются хроника Географа Баварского (IX в.) и хроника Титмара (X в.), в которых они упоминают о польском племени дзядошан (восходит к *děďъ). Первый передает название племени как *Dado[[e]]ani*, второй – *Diadesizi*, то есть с **a** на месте \check{e} .

Литера **e** на месте \check{e} в текстах XI – XII вв. пишется исключительно в позициях перед мягким согласным: *Welerych*, *Byelsco* (t.3, 1065), *Nadey*, *Belina*, *Vsemir*, *Vestina* (t.7, 1136), *Quetissoy*, *Velatov*, *Strelno* (t. 15, 1147), *Belobrese* (t. 34, 1198), перед заднеязычным: *Radotech* (t. 7, 1136), *Utech* (t. 8, 1142), *Cechavy* (t. 9, 1145), *Mechov*, *Beganovo* (t. 34, 1198), перед губным: *Repinam* (t. 34, 1198). Обозначала ли литера **e** чистый гласный или это был гласный с дополнительным призвуком, мы абсолютно точно сказать не можем. Написания типа *Byelscko* (совр. Bielsko) единичны, но мы можем предположить, что под влиянием новоакутовых интонаций между мягкими согласными долгий по происхождению \check{e} развивал в экскурсии *i*-образный призвук. Нет сомнения, что \check{e} перед мягким, губным или заднеязычным согласным в польском языке XI-XII вв. является звуком среднего подъема.

Изменение неустойчивого гласного переднего ряда средне-нижнего подъема \check{e} в **a** нижнего подъема или в **ie**, а затем в **e** среднего подъема в разных позициях – неразрывно связанные процессы. Поскольку старый \check{e} соединял в себе черты палатальности и веларности, он сильно зависел от качества соседних согласных, преимущественно последующих. Около IX или X века веларный переднеязычный согласный (**d,t,z,s,r,l,n**) оказал регрессивное

ассимилирующее воздействие на гласный, который преобразовался в гласный переднего ряда нижнего подъёма: **ä**. Ассимилирующее воздействие оказал на **ě** и следующий за ним мягкий согласный, сместив его в среднюю по подъёму спинки языка зону образования. Таким образом, к IX – XII вв. вокальная система польского языка уже сильно отличается от вокальной системы древнерусского языка.

Таблица 3

Вокальная система польского языка к IX – XII вв.

i	у	и
e, ъ, e (⟨e), ¹ e (⟨*ě ₁ , *ě ₂)		o, ъ
·a (⟨e)		a (⟨o)
ä (⟨*ě ₁ , *ě ₂)	a	

Поскольку в польском языке слова имеют формы словоизменения, одна и та же фонема может оказываться в разных фонематических условиях. Это вызвало чередования звуков **a : e**: *las – w lesie, miasto – w mieście, krzycał – krzyczeli, krzyczeć, milczał – milczeli, milczeć*.

Однако в современном польском языке наблюдаются отступления от этой синтагматической закономерности, вызванные, во-первых, действием других фонетических процессов, прежде всего падением редуцированных, во-вторых, аналогическими выравниваниями, в-третьих, семантическими сдвигами. Так, например, прилагательное *wierny* «верный, преданный» образовано от существительного *wiara*, имевшего в корне **ě**. С точки зрения современного польского языка, согласный **r** твердый переднеязычный, однако лехитская перегласовка предшествовала в польском языке падению редуцированных, поэтому в IX-XII вв. **r** не был твердым: *vĕgъpъjь. В старопольских памятниках находим строго следующие действующим синтагматическим законам лексемы: *cana* (совр. *cena*), *krzasło* (совр. *krzesło*), *czosać* (совр. *czesać*). Современные формы возникли в результате аналогического выравнивания: *cenie, cenię, cenić; na krześle; czesiesz, czesie, czesiemy, czesiecie*. Наконец, в

польском языке есть лексемы с перегласовкой и без перегласовки, восходящие к одному слову, но в истории языка получившие разные значения: на czele «впереди» – на czole «на лбу», bieda «1) нужда, 2) несчастье» – biada – восклицание «горе!».

В целом же мы видим, что фонетические и акцентологические процессы привели к тому, что неустойчивый общеславянский звук по-разному изменился в родственных славянских языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка: учебное пособие для вузов [Текст] / Колесов Владимир Викторович. – М.: Высшая школа, 1980. 215 с.

2. Маслова В.А. Истоки праславянской фонологии: Учеб. пособие [Текст] / Маслова Валентина Анатольевна. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с. ISBN 5-89826-201-6.

3. Ремнева М.Л. Старославянский язык. Учеб. пособие [Текст] / Ремнева Марина Леонтьевна. – М.: Изд-во Московского университета, 2004. 360 с. ISBN 5-211-04893-8.

4. Хрестоматия по истории русского языка: учебное пособие [Текст] / В.В.Иванов, Т.А.Сумникова, Н.П.Панкратова. М.: Просвещение, 1990. 496 с. ISBN 5-09-000328-9

5. Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski. T.1 Zawiera numera 1-616 lata 984-1287 [Электронный ресурс] / - Poznań, 1877. <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=20061&from=pubstats> (Дата обращения: 05.12.2012).

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСЕЕВА А.А. МИКРОКОНЦЕПТ «РОДИНА» В ЛИРИКЕ А. БЛОКА	4
Воинкова Ю.С. КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКТЕГОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	8
Гончарова Н.В. СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА В СТИХОТВОРЕНИЯХ О. МАНДЕЛЬШТАМА	13
Григораш А.М. ГАЗЕТНЫЕ ЗАГОЛОВКИ-ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ: ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ УКРАИНЫ) ...	19
Иванова Е.А. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО СОЦИАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ, ПОСТРОЕННЫЕ ПО МОДЕЛИ СЛОВСОЧЕТАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	24
Кабьш В.И. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНВЕРСИВОВ	29
Катермина В.В. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В НЕОНОМИНАЦИЯХ ЧЕЛОВЕКА	38
Кудрина Н.В. ВАРИАТИВНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ)	42
Куньгина О.В. К ВОПРОСУ О РЕЛЯТИВНОЙ НОМИНАЦИИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА	48
Медведева Н.А. ЛЕКСЕМЫ «ДОМ» И «ХАУС» КАК КОМПОНЕНТЫ НАИМЕНОВАНИЙ РОССИЙСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ПРЕДПРИЯТИЙ	53
Плаксина В.А. СТИЛИСТИКА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	59
Прима А.М. ДУХОВНОЕ И ТЕЛЕСНОЕ НАЧАЛА ФЕМИНИННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ИНТЕРИОРИЗОВАННОМ ДИСКУРСЕ	64
Ратушная Е.Р. СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИНОНИМИЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АНТРОПОНОМИНАНТОВ .	69

САВЕЛЬЕВА М.В., ПАШИНА Ю.Е. СПЕЦИФИКА ФРАЗЕМООБРАЗОВАНИЯ В ТЕКСТАХ СМИ.....	73
СЕМЁНОВА И.С. ПРОЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИКИ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В РАЗНЫХ КОНТЕКСТАХ	80
Соколова А.А. СИНОНИМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МНОГОЗНАЧНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ОТНОШЕНИЯ С ОБЩИМ ПОНЯТИЕМ «БИТЬ КОГО-ЛИБО»	85
УСАЧЕВА Н.Б. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗКИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ	90
ФАТЕЕВА Н.А. ДЕРИВАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОВООБРАЗОВАНИЙ- СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ-СПРАВОЧНИКА «НОВОЕ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ»).....	97
Харлова Н.М. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРОВ ЗАУРАЛЬЯ.....	103
Чепуренко А.А. ВНУТРЕННИЕ ОМОНИМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	108
Шведова Н.В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «НЕТ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	113
Шушарина И.А. К ИСТОРИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНОГО ГЛАСНОГО СРЕДНЕ-НИЖНЕГО ПОДЪЁМА В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ	119

Научное издание

СИНТАГМАТИКА И ПАРАДИГМАТИКА
ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Сборник материалов региональной
научно-практической конференции

В авторской редакции

Подписано в печать	Бумага тип № 1	Печать трафаретная
Формат 60*84 1/16	Усл.-печ. л. 8,125	Уч.-изд. Л 8,125
Заказ	Тираж 100	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет.